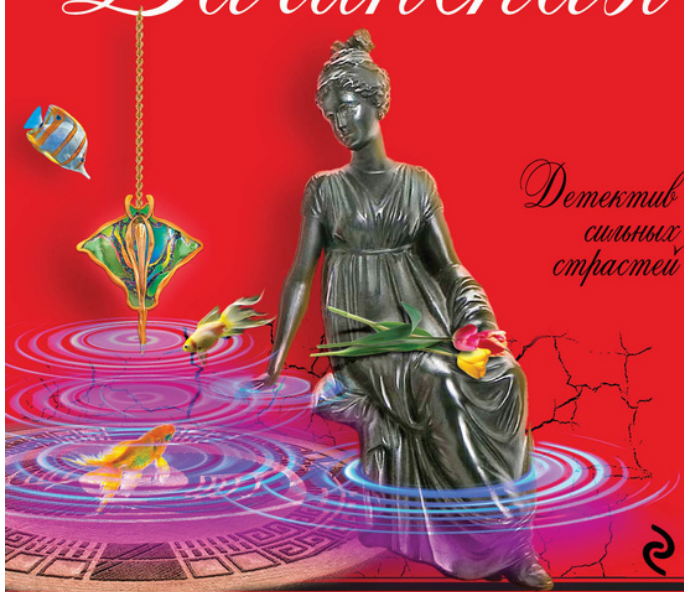

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

Маятник
судьбы

Инна Юрьевна Бачинская
Маятник судьбы
Серия «Бюро случайных
находок», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830140

Бачинская, Инна Юрьевна. Маятник судьбы : [роман]; Издательство

«Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82872-2

Аннотация

Кира была в ужасе. К кому обратиться за помощью? В полицию ни в коем случае нельзя, ведь в ее клубе девушек по вызову «Черный фарфор» соблюдается строгая анонимность. Все девушки учатся или работают, а мужчины известны в обществе и зачастую женаты, огласка никому не нужна! Но что-то предпринять необходимо, ведь недавно была убита в своей квартире одна из девушек клуба. А спустя несколько дней неизвестный напал на другую. К счастью, она сумела брызнуть ему в лицо газом из баллончика и убежать. Голос напавшего показался ей знакомым, но она не смогла вспомнить, кому именно он принадлежит... Просматривая объявления в Интернете, Кира наткнулась на странный сайт «Бюро случайных находок». Олег Монахов, называвший себя волхвом, предлагал

помощь в трудных жизненных ситуациях, и Кира набрала
указанный номер...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	74
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Инна Бачинская

Маятник судьбы

*Все действующие лица и события романа
вымышленны, любое сходство их с реальными
лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

© Бачинская И.Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Я –

Словами так немошно

Нем:

Изречения мои – маски...

И

Рассказываю

Вам всем –

Рассказываю

Сказки,

–Потому что –

Мне так суждено,

А почему –

Не понимаю;

Потому что –

Все давно ушло во тьму,
Потому что – все равно:
Не знаю или знаю...

Потому что мне скучно – везде...

Андрей Белый
(Поется под гитару)

Пролог

...Скрип, туда-сюда, взад-вперед... Скрип в безмолвии ночи, пугающий глухой звук, тошнотворный ритм, ощущение неотвратимости... Тоска, господи, какая тоска! Скрип-скрип, взлет-падение, раскачивание проклятых качелей – скрип-скрип! Проникает через кожу, поры, колючками впиивается в сознание...

Кружок света от ночника, задернуты жесткие тяжелые шторы, по стене скачет тень – вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз... бездушное механическое движение, бездушный маятник, бесконечное угасание...

Шаги – шаркающие, медленные... Шорох, шелест, скрип, едва слышный звук – звяканье стекла, шорох, шелест, скрип...

Глубокая ночь. Тишина. Глухой, надоевший, сводящий с ума звук... скрип-скрип, проникающий в мозг, заполняющий собой все уголки и щели...

Тоска-страх-тоска-жалость-страх...

Застывшая черная тень на пороге.

Глава 1

Девушка и ночь

Поздний вечер, снег с дождем, завывающий ветер... нет-нет, не в степи, а на пустынных улицах города, что тоже не радует. Хлопающая полуоторванная вывеска на секонд-хенде «Элитный сток», дерганный свет фонаря... Такси затормозило у подъезда не новой пятиэтажки, дверца распахнулась, выпустив пассажирку – молодую женщину в короткой шубке. Уворачиваясь от порывов ветра, отбрасывая с лица длинные светлые волосы, она, согнувшись, потыкала в кнопки домофона и с облегчением нырнула в освещенный вестибюль. Взвыл лифт, кабина, дребезжа, упала с самого верха, и дверь поехала в сторону. Она выскочила на своем третьем этаже, нащупывая ключи. Замок заедало, и она с силой дернула дверь на себя. Дверь подалась, и она со стоном облегчения нащарила выключатель, но ожидаемый розовый свет от квадратного светильника на стене не вспыхнул – перегорела лампочка. Черт! Кажется, на кухне в ящике буфета есть пара запасных. Она сделала шаг, другой, привыкая к темноте. Из открытой двери гостиной падал слабый свет от рекламы электроники на доме напротив. Сейчас халат, душ, кофе и – в постель! Она всегда засыпала от кофе – такая странность организма. Вдруг она застыла – что-то насторожило ее, что-

то было не так. Она вдруг ощутила, что волосы встали дыбом и холодок пробежал по спине. Она попятилась к двери... Что?

Запах... чужой... похоже, кожи, еще чего-то... парфюм? Лосьон? Она схватила с тумбочки сумочку, сунула туда руку, и в ту же минуту из открытой двери гостиной к ней метнулась тень. Она вскрикнула, выхватила из сумки баллончик, сорвала колпачок. Ядовитое вонючее облако рванулось навстречу мужчине, он вскрикнул – издал что-то вроде резкого «ах!», заслонился руками и закашлялся. Она повернулась на каблуках и выскочила на лестничную площадку. Бросилась к лифту, просунула руку и нажала кнопку первого этажа. Отскочила и побежала вверх, стараясь ступать бесшумно, на носках. Лифт, дребезжа, стал падать. Трюку с лифтом ее научила ушлая подружка Татьяна.

Она услышала, как захлопнулась дверь, и мужчина побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки. Сейчас он увидит, что ее там нет, и рванет обратно. Домой нельзя. Тогда к соседке Валентине Павловне, которая оставила на нее кошку Долли и ключ. Спеша, преодолевая дрожание пальцев, она нащупала в сумке ключ соседки – утром ходила покормить Долли – и, стараясь производить как можно меньше шума, вставила в замочную скважину. Дверь подалась, и она почти упала внутрь. Под ногами сипло мяукнула Долли – роскошная палевая кошка с шерсткой до пола, черными ушами и лапами, похожая на породистую овцу.

Она прижалась ухом к двери, прислушиваясь. Перекрестилась. Грохнула глубоко вниз кабина лифта, лязгнула дверь – эхо пустого парадного подхватило звуки и швырнуло их вверх. Она стояла за дверью, прислушиваясь. Ей казалось, она слышит осторожные крадущиеся шаги... ближе и ближе. Вот уже слышно его хриплое дыхание...

Она замерла, кожей чувствуя тяжелую вязкую клубящуюся тишину. Далеко внизу хлопнула дверь – порыв ветра прокатился по лестничной клетке, за ним последовало оглушительное эхо, и снова наступила тишина.

Она побежала в комнату, приникла к окну, отодвинув занавеску. Она видела, как из подъезда стремительно выскочил человек и побежал через двор к выходу на улицу. Сбоку от него бежала ломаная черная тень. Человек вдруг остановился и резко оглянулся, словно его что-то насторожило или испугало. Потом поднял голову и посмотрел прямо на нее, как ей показалось. Страшное белое лицо! Она отпрянула от окна...

Не зажигая света, не раздеваясь, она прилегла на диван. Спуститься в свою квартиру она не решилась. Ее трясло. Долли примостилась рядом и замурлыкала. Она чувствовала тяжелый горячий бок кошки, слышала негромкое мурлыканье, такое домашнее, такое уютное, и ее стало понемногу отпускать.

Кто? Грабитель? Непохоже. Он ждал ее. Он открыл дверь... как? У него был ключ? Или отмычка? Он не пришел

ограбить, он пришел... убить? Спасительная мысль, что это была шутка Мишки, нелепая и дурацкая, как все его шутки и приколы, мелькнула и исчезла. Он назвал бы ее по имени, рассмеялся, завыл дурным голосом, на нем, наконец, была бы маска вурдалака, как в прошлый раз, когда он испугал ее до обморока и она вlepила ему пощечину. Он не обиделся, а удивился и пробормотал: «Ну, мать, ты даешь! Так сразу – и в рожу!» И физиономия у него при этом была глупая. Нет, это не Мишка. От этого пахло... кожей... у него кожаное пальто или дубленка, и еще лаймом... дорогой лосьон. Не Мишка! От Мишки несет удушливым и сладким, он любит ванильные запахи. Она поежилась, вспомнив, как тот поднял голову и взглянул на нее... Ей уже кажется, что их взгляды скрестились, хотя она понимает, что это невозможно: она даже не смогла рассмотреть его лицо в слабом свете дворового фонаря – так, белое пятно...

Может, ошибка? Может, он метил не в нее? Убивают... политиков, свидетелей, шантажистов... бизнесменов! Она ни то, ни другое, ни третье! Маньяк? Непохоже... А откуда он знает ее адрес? Здесь бывали считанные люди... Следил? Но почему? Абсурд. Абсурд. Абсурд! Этого не было, потому что этого не могло быть никогда. Она маленькая сошка, маленький винтик... кому понадобилось?

Долли потянулась, выпустила коготки и царапнула ее, и она рассмеялась невольно. Что же делать? Куда бежать? Позвонить разве что Мишке, рассказать, пожаловаться? Она

выгнала его позавчера и сказала, что между ними все кончено. Баста! Достало его пьянство, дурацкое вранье ради вранья по любому поводу, вечное отсутствие денег из-за лени и хронического нежелания работать и хамская манера исчезать у кассы в гастрономе, предоставляя ей возможность платить. «Я сейчас, перекурю», – говорил он и исчезал. Она испытала мгновенный укол жалости, когда он покорно молча ушел, осторожно прикрыв за собой дверь. И лицо у него было как у обиженного мальчика. Не хлопнув, а осторожно прикрыв, психолог хренов, рассчитывая на ее бабскую жалость...

А других попросту нет. Мишка хоть знакомое зло. Правда, Кирилл набивается в друзья, но это уже ни в какие ворота. Чертов альфонс! Ее передернуло от отвращения. Уж лучше Мишка!

Она лежала, теребя уши Долли, плакала, шмыгала носом, перебирала знакомых мужчин, клиентов, вспоминала *его* запахи, дыхание, голос... когда он вскрикнул от боли в глазах. Удивлялась собственной сноровке – выхватила из сумочки и – в глаза гаду! Как будто кто-то подтолкнул под руку.

Ладно, одернула она себя, хватит причитать. Ты ведь все понимаешь! И реакция, и сноровка – тоже ведь неспроста. Неспроста, потому что ты была готова. Готова. Подспудно, подсознательно, внутри, в глубине... и так далее. Готова. Ты ожидала... не верила, но в подсознании мигал маленький красный тревожный сигнал: осторожнее!

Двадцать девятого октября была убита Ира Гурова... Двадцать девятого! Кирилл позвонил и сказал: ты там поосторожнее, мать. У него дурацкая манера называть ее «мать». Ее или всех? Привык к зрелым бабам, дешевка. Жрет все подряд. Сегодня шестое ноября. Восемь дней убийце понадобилось, чтобы добраться до нее, Лины. И не нужно себя обманывать – это был не грабитель! Это был убийца, и он пришел убить. Кто? Она снова попыталась вспомнить голос и запах. Они едва не столкнулись в прихожей, он бросился на нее... вскрикнул от боли... неприятный высокий голос и запах лимона... нет, не лимона – лайма! Зеленый, маленький, как грецкий орех, лайм с тонким пряным листовным запахом. Лосьон, дезодорант, стиральный порошок с запахом лайма.

Кто? Она перебирала знакомых и клиентов... называя и повторяя имя, вызывала в сознании картинку, голос, запах, прикосновения – и отметала. Не то. Нет. Не он.

Так, ни до чего не додумавшись, она уснула под негромкое мурлыканье Долли. И, засыпая, подумала, что история глупая и дикая, невероятная и, может, *этот* пришел просто поговорить... кто бы это ни был, а она сразу в морду. Вот и Мишка говорит, что она сразу в морду, и пшик баллончиком, и руки распускает, и на курсы по самозащите ходила. Привычки одинокой бабы, которая рассчитывает только на себя, потому что нет надежного мужика рядом, за чью спину можно с облегчением нырнуть в случае чего. Одинокая

баба – или одинокая женщина. Вроде одно и то же, а вот и нет. Одинокая баба нормально, с кем не бывает – одинокая, но живет, крутится, не теряет надежду. А одинокая женщина – намного жалче, почти безнадега. Как-то так. Нет мужика. И не было. И нужно быть сильной, иначе не выжить. Перестань реветь, сказала она себе. Тебе повезло, радуйся... мать! Просто нужно выбрать угол отражения, ракурс, точку отсчета – у слабого они одни, у сильного – другие. Ты сильная, так тебе выпало. Сильная, умная, красивая... на том и стой. Успокоилась? Теперь спи.

Последней мыслью перед тем, как опуститься в теплый омут сна, была мысль о том, что, как ни выбирай точку отсчета, угол отражения и ракурс, расклад не переменится – он убил Ирину и теперь пришел убить ее, Лину. Оставалась слабая надежда, что, потерпев неудачу, он больше не придет, что он суверен, как многие маньяки и убийцы, но слишком она была слабой, эта надежда, и утешения не принесла...

Глава 2

Дела травяные

Олег Монахов лежал на старом раздолбанном диване, уставившись в потолок. Старался не шевелиться, нащупав точку лежания, при которой пружины не впивались в бока. Он называл эту точку «секс-точкой» – секс-точка раздолбанного дивана. Размышлял. Шаркая тапочками с кроличьими мордами, расхаживала Анжелика в обвисшем халате, что-то переставляла, приносила и уносила; шмыгали туда-сюда детишки, и на экране телевизора рыдала брошенная бывшая возлюбленная, а Монахов был безмятежен и глубоко погружен в собственные мысли. Думал он о нескольких вещах сразу. В основном – о народном предприятии «Зеленый лист», которое уже на финишной прямой; прикидывал, хватит ли денег на рекламу, о том, что нужно еще раз позвонить насчет тары, которую производит по эскизам собственного дизайнера и поставляет некая китайская фирма. Молодцы китайцы, думал уже в который раз Монах. Нет для них ничего невозможного, только плати.

Взгляд его рассеянно следил за передвижениями Анжелики и детишек. Анжелика была женой его школьного друга Жорика Шумейко, и дети были тоже его. Олег Монахов временно проживал у Жорика, вернувшись из странствий,

вернее, побродяжничав вдоволь, так как свою квартиру он оставил бывшей жене. Он было сунулся к ней, она страшно обрадовалась, и он бы остался, но увы! Она успела выйти замуж, и новый муж смотрел волком – ревновал. Пришлось отправиться к Жорику. Жорик и Анжелика – это семья, всегда примут. Классные ребята.

Младшенький, крестник Олежка, пацанчик двух лет с хвостиком, взобрался на диван, уселся на необъятный живот Монаха и, радостно вопя, запрыгал.

–Олежка, сынок, не мешай дяде Олегу, – сказала Анжелика приличия ради.

–Пусть, не мешает, – ответил Монах, рассматривая радостное личико крестника, думая, что тому для счастья нужно совсем ничего – прыгает и счастлив, а вырастет... и вообще неизвестно, что из него получится. Лидер однозначно – уже сейчас чувствуется характер, и хитрован еще тот, даром что мал – не в Жорика. В Анжелику? Монах скользнул взглядом по отсутствующему лицу Анжелики, по нечесаной ее голове... вряд ли, в Анжелике смысла еще меньше, чем в Жорике. А в крестнике уже сейчас чувствуется личность, добивается чего надо, берет горлом, чуть что – лезет в драку с сестрами, а те сразу в рев и бегут жаловаться, что одна – восьмилетняя барышня, что другая – четырехлетняя. И радоваться умеет, а это большое искусство – уметь радоваться, не всякому дано. И не ревет по любому поводу. С размаху влетает в стенку, бьет головой в шкаф, падает – все на бе-

гу, даже не почешется. И не злопамятный. Мужик. Похоже, подрастает смена, генеральный директор «Зеленого листа». «Зеленый лист» – головная боль, выстраданный, просчитанный, зачатый в муках и, если честно, надоевший до чертиков, и только врожденная порядочность и беспомощный Жорик, хороший человек и друг детства, удерживают Монаха от того, чтобы сбежать куда глаза глядят.

Тут необходимо рассказать немного о нашем герое, и начать нужно с того, что Олег Монахов был необычной в своем роде личностью. Был он женат трижды, всякий раз на красивейших женщинах города, включая приму местного драматического театра, кончил факультет психологии столичного университета и физмат местного политеха, остался на кафедре, защитился, начал писать докторскую. Потом бросил все к чертовой матери и сбежал – подался в народ, как он это называл. В погоне за приключениями на собственную... э-э-э... эту самую, одним словом, как говорит школьный друг Монаха Жорик. Не будем повторять его словес. Между прочим, Жорик и сам не прочь при случае сбежать, но семья держит якорем. Так что на художества Олега Монахова он смотрел, как птица в клетке смотрит на птицу на воле, завидуя белой завистью, хотя и не отказывал себе в удовольствии потоптаться по его хребту. Типа – зелен виноград, не очень и хотелось.

Монах бродил по Сибири с дикой бригадой шишкобоев, находя общий язык с беглыми преступниками, ворами

и пьяницами, с самым последним человеческим отребьем. Собирал целебные корни, грибы-галлюциногены, от которых плющило похлеще, чем от известных наркотиков, ягоды и травы. Записывал рецепты народных медицинских и шаманских снадобий, а также заговоров и приговоров. Жил в палатке или под развесистой елкой, купался в проруби. Однажды зимовал в землянке неизвестно где, отбившись от стаи и потеряв тропу. Но выжил, даже зубов не потерял при кровоточащих деснах. Был при этом невероятно толст, дружелюбен, и всякому новому человеку казалось, что они знакомы не одну сотню лет. Сердца стремились ему навстречу, будь то замшелое сердце местного колдуна, открывавшего ему свои древние секреты, или ненавистного кулака-единоличника в каком-нибудь богом забытом месте, в глухой тайге, куда так и не дошли ни советская власть, ни дикий капитализм, который, придерживая собак, пускал его на ночь, кормил и поил, как брата. Он, который и маме родной пожалел бы куска хлеба.

Сам же Монах совершенно искренне считал себя волхвом.

Таким необычным человеком был Олег Монахов, по прозвищу Монах, друг и одноклассник Жорика Шумейко, чья жена Анжелика в старом затрапезном халате и тапочках с кроличьими мордами шлялась по квартире. Вернувшись из странствий, он взялся за раскрутку предприятия по производству пищевых добавок, укрепляющих настоек и чудодей-

ственных пилюль против всех хворей из натуральных трав, корней и орехов, рецептов которых было у него немерено. Им посчастливилось найти деньги и людей. Уже было получено сырье от алтайских кооперативов, помещение под цех снято и закуплены лаборатория и автоматическая линия, а Монах – так зовут его друзья, вдруг заскучал. Не мог он долго на одном месте. Его манили горизонты и просторы, он был частью природы и тосковал, оторвавшись от нее надолго.

Они дружили с молодых ногтей – дерганый, кипящий энергией и идеями, расхристаный Георгий, или попросту Жорик, а то еще и Зажорик, и благодушный толстый и солидный Олег Монахов. За общие шалости попадало, как правило, одному Жорику. Планида у них была такая по жизни. А Олега даже не дразнили жиртрестом или пончиком, язык не поворачивался, так естественен он был, неся свой вес. И девочки за ним бегали, и учителя его любили, и конфликтные подростковые ситуации он улаживал, когда стенка шла на стенку. И не били его никогда, и драки его миновали. Ходит он легко, раскачиваясь для равновесия, в длинных рубашках навыпуск, чтобы замаскировать необъятный живот, летом – в матерчатых китайских тапочках для удобства, зимой – в громадных меховых унтах. Часто носит бороду и длинные волосы, что делает его похожим на батюшку, и тогда бабульки крестятся ему вслед. Он солидно кивает и осеняет их мановением толстой длани. Говорит он неторопливо, басом. Все делает со вкусом. Со вкусом ест, говорит,

слушает, думает. Со вкусом лежит на диване, уставившись в потолок, – размышляет. Он окутан такой мощной аурой покоя и надежности, что любому человеку становится легче от одного его вида.

Когда он практиковал как экстрасенс – был такой период в его жизни, – от желающих попасть на сеанс отбоя не было. Он обладал известной силой внушения, мог погрузить в транс, вселить уверенность в завтрашнем дне, разобрать ситуацию по косточкам, дать дельный совет. Потом ему и это надоело. Ему все надоело в конце концов. И тогда он снимался с места и уходил, не оглядываясь.

И сейчас, лежа на диване, подпрыгивая в такт с прыжками маленького Олежки, он давил в себе растущее желание перемены мест, понимая, что готовое к пуску предприятие завязано на нем с его коллекцией шаманских колдовских рецептов, и стоит ему сорваться с места, как все тут же рухнет. Жорик не потянет, он хороший механик, но интеллектом не блещет. Будучи оптимистом по жизни, Жорик уже расписал, куда употребит первую прибыль: тут и гараж для драгоценного «Бьюика», привезенного из Штатов, где Жорик два года трудился дальнобойщиком, и новая шуба для Анжелики, и вывоз детишек на море. Монаха разрывали на части угрызения совести, чувство вины и страшной силы желание убраться подальше от семейства Жорика, которое надоело ему до чертиков, и вообще из города.

Задребезжал разбитый телефон, и Анжелика громко вы-

крикнула: «Алло!» Послушала с минуту и позвала: «Олежка, тебя!» Монах поднялся и потащился в прихожую, где был телефон.

—Я вас слушаю! — произнес он благодушно.

—Олег Монахов? — спросила женщина, и Монах услышал неуверенные нотки в ее голосе.

—Да, говорите.

—Я видела ваш сайт, где вы обещаете помощь... — Она замолчала.

С полгода назад Монах от нечего делать, да и настроение накатило подходящее, создал страничку в Сети, где пообещал помощь всем или почти всем страждущим. Соскучился по роли великого гуру, не иначе. Сайт назывался странно, необычно и даже как бы со скрытым и не совсем доступным смыслом: «*Бюро случайных находок*». Какие «находки»? Почему «случайные»? Жорик, например, выразился скептически, что название ни в дугу, ни рыба ни мясо и лично он никогда бы не сунулся со своими проблемами в эти случайные находки. И вообще, тут в тему скорее не «бюро», а «сундук» или вообще «кладовка» со всяким старым добром. Жорик был далек от понимания тонкостей стиля, он был прост и незатейлив, видел мир черно-белым, без подтекста, и нюансы смысла от него часто ускользали, а потому Монах не обратил ни малейшего внимания на его критику.

Приводим объявление полностью, и судите сами — сунулись бы вы туда или нет. Итак:

Бюро случайных находок. Вопросы и ответы

Здравствуйтесь, друзья! Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пеструю жизнь я встречался с разными людьми, попадал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое... И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе. Запомните: нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало. Иногда кажется, что – все! Тупик, конец, безнадега! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придется решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе.

Запомните... Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!

И тут же фотография: большой толстый бородатый человек в голубой рубашке навывпуск, похожий на добродушного медведя, сложив руки на груди, прищурясь, смотрит на зрителя...

За все это время сунулись несколько сварливых типов, которые обвинили его в жульничестве, обдирании народа и псевдофилософии, а затем сцепились между собой и передрались. После чего Монах и вовсе перестал туда заглядывать. Как оказалось, у всех все по жизни схвачено так, что лучше и не надо, и помощь опытного путешественника и мыслителя никому не требовалась. Возможно, его объявляе-

нию не доставало конкретики. А кроме того, кому известен какой-то... как-как, Олег Монахов? Никогда не слышали. Тем более что вокруг полно известных раскрученных успешных экстрасенсов, у которых эфирное время, соответствующий антураж и репутация. Жорик предлагал поместить на сайте хотя бы хрустальный шар, в смысле изображение, или там горящие свечи, еще можно пещеру или туманную фигуру в саване и клобуке, но Монах только фыркал в ответ.

Он уже стал забывать о своей дерзости, как вдруг раздался этот звонок...

–Я вас слушаю, – внушительно повторил он.

–Ваш мобильник не работает, – сказала женщина, все еще колеблясь, и замолчала. Сказала после паузы: – Мы не могли бы встретиться?

–Как вас зовут? – вдруг спросил Монах.

–Клара... – ответила женщина не сразу, и Монах понял, что она соврала.

–Отчего же не встретиться, – согласился он, хотя дал себе слово поставить крест на «Бюро»: не хотите – не надо! Выпутывайтесь сами. Но эта женщина, придумавшая, что ее зовут Клара... не то чтобы она так уж сильно заинтересовала его – нет! И ее вранье его тоже не удивило – он вообще считал, что женщины чаще врут, чем говорят правду, что и оправданно, так как им в жизни приходится труднее. Просто он решил, что встреча с ней хоть на время отвлечет его от мыслей о побеге, а кроме того, у нее был приятный голос – глу-

ховатый, мягкий, неуверенный, – именно такие голоса ему нравились. Он терпеть не мог крикливых, зажигательных и веселых женщин, из тех, что и в избу, и с конем, и вообще.

– Где и когда? – спросила она.

– Через полчаса я буду сидеть в городском парке, на скамейке у крайней пушки, со стороны города.

– Через полчаса? – повторила она, и Монах вдруг понял, что она не придет, что обстоятельства ее складываются таким образом, что ей нужно было чем-то себя занять, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, что поговорить по телефону она готова, а прийти и рассказать... вряд ли.

– Клара, послушайте меня... – зарокотал он внушительно. – Я понимаю, что у вас что-то стряслось и вы вовсе не Клара, но проверять ваш паспорт я не собираюсь. Я отвечаю за каждое слово на сайте и не обещаю вам чуда, но выслушать могу. И мы вместе подумаем, что делать дальше. Годится?

Ему вдруг страстно захотелось, чтобы она пришла. Он даже заключил пари с собой о том, как она выглядит. Небольшая, темноволосая, возможно, домашняя хозяйка, библио-текарша или медсестра, скромно одетая, ненакрашенная, в черном пальто и белом шарфе в несколько слоев вокруг шеи. Ему нравились шарфы в несколько слоев вокруг шеи, с этими шарфами *они* так женственны и так беззащитны...

Спустя полчаса он сидел в указанном месте, засунув руки в карманы старой необъятной дубленки, в синей лыжной

шапочке, надвинутой на глаза, – большой, солидный, внушительный. С бородой отшельника, из-за которой его принимали за батюшку.

Было уже начало ноября, неделя дождей сменилась внезапным похолоданием – температура упала почти до нуля, а ночью выпал первый неуверенный снег. Он покрыл рыжие листья, черные чугунные стволы пушек, голые деревья – не столько покрыл, сколько прикрыл, – и придавил грязь и копоть, отчего воздух стал чист и свеж, как родниковая вода. И небо вдруг поглубело, и приветливое солнце выкатилось, и удивительная благодать определилась в природе. И празднично порхали легкие редкие снежинки. Монах с удовольствием смотрел на светлые соборы с золотыми луковицами, расположенные на холмах вокруг старого города по широкой плавной дуге – Екатерину, Елицу, Троицу. Лепота!

И вдруг тоска по костру, быстрой речке и густому лесу с новой силой застучала в его сердце, и он понял окончательно и бесповоротно, что сбежит! Не жилец он в городе. Как только повернет на весну, как только сойдет снег и вылезет первая трава – только его тут и видели. И, сидя у костерка на берегу небыстрой говорливой речки, будет вспоминать золотые луковицы и сладкий колокольный звон. Такая у него планка – быть между мирами. За зиму производство худо-бедно встанет на ноги, человечков бы подыскать потолковее – химика, генерального директора, бухгалтера, – не отбывающих зарплату, а стоящих, с совестью, а то народу много, а

кадров мало.

Женщина, назвавшаяся Кларой, опаздывала уже на двадцать минут, и Монах понял, что она окончательно передумала. Еще он подумал, что ее, скорее всего, зовут Кира, потому что его вопрос об имени прозвучал внезапно, и она не успела хорошенько подумать и назвалась близким по звучанию. Клара... Кира. Кьяра, Кейра – это вряд ли. Кира. И еще он понял, что сейчас, в этот самый момент, она внимательно рассматривает его, прикидывает и спрашивает себя – а надо ли? Стоит за деревом, за соседней пушкой или у парапета, делая вид, что смотрит на свинцовую реку и заснеженные желто-зеленые луга, тянущиеся, сколько хватает глаз, за рекой. А сама украдкой изучает его, Олега Монахова, и не факт, что он ей понравится. Одним из жизненных кредо Монаха было: «Гни свою линию», другими словами: «Пусть пляшут под твою дудку» или еще: «Бери быка за рога». Были и другие, с которым мы познакомим читателя по ходу нашей истории. Он решительно поднялся и неторопливо пошел к женщине, стоящей у парапета. Встал рядом и произнес звучным басом:

–Здравствуйте, Кира!

Она вздрогнула и уставилась на него тревожными темными глазами. Она была именно такой, как он и представлял себе: небольшая, смуглая, темноглазая. На непокрытых длинных черных волосах посверкивали снежинки. Правда, вместо скромного черного пальто на ней была серая норковая

шубка, а вместо шарфа в несколько слоев – синяя шелковая косынка. И пахло от нее нежно и пряно, как будто перцем и цветами, и подкрашена она была явно не той косметикой, какой красится Жорикова Анжелика. Образно выражаясь, от этой женщины пахло также и деньгами. И была она не девочка, а зрелая женщина, не из крикливых и нахальных, но способная на многое. Особенно если загнать в угол. Сначала будет плакать, а если загнать в угол, то начнет действовать. Все это промелькнуло у него в голове, пока он не без удовольствия смотрел ей в глаза. Когда вы смотрите человеку в глаза, он не замечает, как вы одеты, черные точки на вашем носу, старую дубленку и потертые джинсы.

Она впилась в него тревожным взглядом и не сразу спросила:

–Откуда вы знаете, что я Кира?

Монах пожал плечами и сказал:

–Дайте руку. – Он протянул ей свою большую горячую ладонь, и она, поколебавшись, протянула в ответ свою.

Они стояли у парапета и держались за руки. Ее маленькая и холодная рука тонула в большой и горячей руке Монаха.

–Рассказывайте! – сказал он, отпуская ее руку. – Вы почему без перчаток?

–Перчатки... в кармане. Олег, я не знаю...

–Вы жалеете, что позвонили, Кира. Я не полиция, я же говорил. Расскажите, и я скажу, смогу ли помочь. Кстати, вы первая, кто позвонил, остальные...

–Я видела отклики! – Она невольно рассмеялась.

Монах тоже рассмеялся:

–Ты от всего сердца, а тебя мордой об стол. Удивительно, что вы все-таки позвонили!

–Я не знаю... понимаете...

–Тут есть кафе, можем посидеть.

Она кивнула, и они отправились в кафе, зеленая крыша которого призывно выглядывала из-за голых деревьев.

Они уселись в углу полупустого холодного зала. Меню было летним – мороженое, кофе, соки и чипсы, папка была холодной даже на вид – глянцевая и жесткая. Им принесли кофе. Монах с большим удовольствием выпил бы пива, но пива здесь не было. От отхлебнул кофе из бумажного стаканчика и с улыбкой взглянул на Киру. Кофе отдавал сырым картоном.

–У меня бизнес, – сказала Кира. – Я развожу аквариумных рыб.

–Аквариумных рыб? – удивился и обрадовался Монах. – А я сижу и ломаю голову, чем вы можете заниматься!

–И чем, по-вашему?

–Людьми, я бы сказал.

–Людьми тоже. – Она помедлила и сказала ровно: – У меня воскресный клуб девушек по вызову.

–Девушек по вызову? – удивился Монах. – То есть... э-э-э...

–Да. – Она вскинула голову и приняла, образно выража-

ясь, бойцовскую позу.

—А я было подумал, что у вас украли золотую рыбку, — пошутил он, озадаченный, стремясь разрядить обстановку.

Глава 3

Интервью

Каждую среду в восемь вечера по местному тэвэ час культуры – передача «Творческие встречи» с очаровательной ведущей Александрой Шевченко.

– У нас в гостях, – задушевно, с теплой улыбкой сообщила Александра в очередную среду, за пару дней до описываемых в предыдущей главе событий, – известный писатель Леонид Громов, наш земляк, чьи книги издаются на шестнадцати языках во многих странах мира, лауреат многочисленных литературных премий, которым по праву гордится наш город. И просто очень хороший человек. Леонид Громов – участник всех без исключения культурных событий в городе, фестивалей и литературных чтений, он часто выступает перед студентами и школьниками, нашим подрастающим поколением, сея разумное, доброе, вечное. Он ведет литературный клуб молодых дарований, передавая им свой бесценный творческий опыт.

– Леонид, спасибо, что выбрали время и пришли к нам, я прекрасно понимаю, насколько вы заняты! – обратилась она к герою вечера.

– Спасибо, Александра, – широко улыбнулся писатель – человек средних лет и приятной наружности. – Поверьте,

для меня большая честь принимать участие в вашей замечательной передаче. Для меня большая честь отвечать на вопросы моих читателей. Я рад, что меня знают и читают, ибо что такое писатель без читателей?

—Машина без колес! — заржал Жорик. — Анжелка! Пульт у тебя? Переключи эту муть!

Жорик сидел в громадном кожаном кресле, на журнальном столике перед ним на газете лежали какие-то промасленные детали, гайки и шайбочки, которые Жорик протирал тряпочкой и свинчивал в одно целое.

—А мне, например, интересно! — закричала Анжелика. — Громов — классный писатель! У меня есть все его книжки.

—Никогда не слышал! — фыркнул Жорик. — Слюни про любовь?

—Много ты понимаешь. Детективы! Интересно, когда ты книжку в последний раз держал в руках?

—Все стоящие книжки я прочитал еще в детстве. Про Громова не слышал. Монах, ты в теме? — обратился Жорик к другу Олегу Монахову, лежавшему, по своему обыкновению, на диване с выпирающими пружинами, уставясь в потолок, и сохранявшему на лице задумчивый вид. На самом деле он дремал с открытыми глазами, что было одной из его особенностей.

—Громов? Не слышал. Анжелика, о чем он пишет?

—Детективы!

—Хорошие?

–Классные! Читаешь – аж волосы дыбом. Пять убийств на книжку, и ни за что не догадаешься, кто убийца. До самой последней страницы.

–Пять жмуриков? Скромно, я бы сказал, – заметил Жорик. – По телику намного больше.

–Не мешай! Дай послушать умного человека.

–Леонид, поделитесь со зрителями вашими творческими планами, – попросила Александра. – Над чем вы сейчас работаете? Каковы ваши замыслы?

–Я только что закончил роман «Небесная империя», он выйдет в издательстве «Горожанин» через два месяца. Это детектив, как вы уже догадались. Надеюсь, он вам понравится.

–Про Китай, что ли? – удивился Жорик. – Китайский детектив?

–А ты спроси, – посоветовал Монах. – Вон телефоны в бегущей строке.

–Сейчас! – саркастически отозвался Жорик. – Только руки вымою.

–Это не про Азию, как вы могли бы подумать, – сказал писатель. – В романе отражена наша жизнь, наши проблемы, наши битвы и поражения. И разумеется, любовь. Но я не буду перебивать удовольствие от прочтения романа... – Он улыбнулся и развел руками: – Потерпите два месяца.

–Если он пишет так же дебильно, как говорит, то это полный абзац, – заметил Монах. – «Удовольствие от прочтения

романа»! Потерпим, конечно.

—А мне нравится, — повторила Анжелика. — Классный писатель!

—Леонид, читатели задают вопросы о вашем творчестве. Многих, в частности, интересует, откуда вы берете свои сюжеты? — мило улыбаясь, прощепетала Александра.

—Хороший вопрос, — похвалил писатель. — Попробую ответить. Из жизни, дорогие зрители, из жизни! Плюс фантазия. Я представляю себе, что мои герои — шахматные фигурки. По сути, каждая моя книга — эта шахматная партия со своей логикой, правилами и законами. Ювелирная шахматная партия, я бы сказал. Я разыгрываю ее с воображаемым оппонентом — оттачиваю с филигранной точностью детали, анализирую ходы, делаю ложные выпады и внимательно слежу за жестами и выражением лица противника. Понимаете, для детективного романа очень важны детали, самые мелкие штрихи, едва уловимые глазом, а иногда и неуловимые, воспринимаемые лишь на уровне подсознания, которые нужно уметь распознавать, ибо они способны рассказать удивительно много. Другими словами, для автора, пишущего детективы, не существует незначительных мелочей, понимаете? И он должен быть психологом.

—Я сейчас повешусь! — фыркнул Монах. — В шахматы он играет! Властитель дум! Ты понимаешь, о чем он?

—Нам звонят, задают вопросы, — сообщила Александра. — Вадик, дай зрителя в студию! — обратилась она в простран-

ство. – Мы вас слушаем! Говорите, вы уже в эфире!

Раздался потусторонний бормочущий голос откуда-то сверху:

– Меня зовут Евгений Романенко. Уважаемый Леонид, что вы можете сказать про идеальные убийства? И что значит «идеальное убийство»? Это когда преступник не оставил следов или когда плохо искали? Спасибо!

– Идиотский вопрос, – заметил Монах. – Я бы на месте этого... как его? Евгений? На месте этого Жени не совался бы в убийцы.

– При чем тут убийцы? – удивилась Анжелика. – Ему просто интересно. Мне тоже, например, интересно.

– Жорик, ты слышал? – спросил Монах. – Я бы на твоём месте присматривал за супругой.

– А? Чего? – встрепнулся Жорик.

– Ничего. Сиди работай.

– Трудно сказать, – озадачился писатель. – Лично я думаю, что это в первую очередь убийство без мотива. Убийство ради убийства... в силу разных причин. Мотив – та ниточка, которая помогает распутать преступление. Нет мотива – нет ниточки. Как говорили древние – ищи, кому выгодно. Еще, я бы сказал, убийство, замаскированное под несчастный случай. Например, нападение собаки... какого-нибудь волкодава. Иди докажи потом, что хозяин специально его не натренировал. Еще очень важно обеспечить себе алиби. Не ссориться с жертвой накануне убийства, не угрожать... – Он

улыбнулся, давая понять, что шутит. — А вообще, если умный человек, умеющий просчитывать... риски, задастся целью... — Он развел руками и снова улыбнулся. — Но это уже из другой области.

— Мне уже страшно! — радостно воскликнула Анжелика, прижимая ладошки к пылающим щекам.

— Много в раскрытии преступления зависит от личности следователя, его опыта, аналитических способностей, даже эрудиции и широты взглядов, — добавил писатель.

— Леонид, а какие мотивы самые распространенные?

— Ну... я бы сказал, убийства из-за денег. Грабеж. С целью получить наследство. Бытовые, во время пьяной ссоры, из ревности, из мести. Убийство шантажиста, устранение свидетеля... Мотивов не так уж много, как видите. Как сказала героиня одного криминального романа, это всегда или секс, или деньги, или то и другое вместе, а убийца всегда тот, кто меньше всего бросается в глаза. Это шутка, как вы понимаете, но в каждой шутке, как говорится... Я думаю, вопросы эти следует задать оперативникам, они ответят вам исходя из собственного опыта, в то время как мои ответы носят умозрительный, так сказать, характер. Или, условно говоря, литературный. Равно как и опыт. Я ведь писатель, а не убийца.

Писатель рассмеялся. Смеялся он охотно, с удовольствием посматривал на ведущую, и во взгляде проскальзывала легкая снисходительность бывалого человека.

— У нас на линии новый зритель! — воскликнула Алек-

сандра. – Пожалуйста, ваш вопрос!

– Меня зовут Света, – прорезался тонкий детский голосок. – Леонид, кого вам больше нравится убивать в ваших книгах – мужчин или женщин?

Монах снова иронически фыркнул и поскреб под мышкой.

Писатель улыбнулся и поднял руки, словно сдавался:

– Мне вообще не нравится убивать, честное слово! Я человек мирный, спокойный, я дрался в первый и последний раз в жизни в третьем классе, причем с девочкой. Она была раза в два тяжелее и победила меня. – Тележурналистка снова рассмеялась и в восторге захлопала в ладоши. – С тех пор я не дерусь вообще, а с женщинами в частности. В моих романах убийства не ради убийства, не самоцель, а в первую очередь загадка, которую нужно распутать. Убийство не средство запугать читателя до обморока, а... загадка, как я уже сказал. Шарада. Тайна. Человечество любит тайны, как вам известно. Отсюда любовь к зеленым человечкам, мистике, паранормальным явлениям, когда разум отказывается верить, а душа сладко замирает от предчувствия чуда. Открою вам маленькую тайну... – Он сделал паузу. – Только это между нами, идет? – Ведущая рассмеялась. – Я даю читателям, то есть вам, все карты в руки, рассказываю о характерах участников, их взаимоотношениях, разбрасываю улики и расставляю фигуры... И говорю: думайте, анализируйте и вычислите убийцу! Включите логику, размышляйте. Любая загадка,

которую нужно решить, любое тайное жизненное проявление – все это не что иное, как игра, замысел парящего интеллекта, плод фантазии, а мои романы, по сути, приглашение к игре. Я говорю: «Давайте поиграем вместе, дорогие читатели!»

–Давайте! – восторженно пискнула Анжелика.

–И еще одно... – Писатель с улыбкой смотрел с экрана. – Несмотря на кровь и убийства, детективный роман, как бы странно это ни прозвучало, несет определенную моральную и этическую нагрузку. Да-да, я не оговорился. Судите сами: добро побеждает в вечной борьбе со злом – преступников ловят. В итоге всегда побеждает добро и торжествует справедливость. То есть я хочу сказать, что в моих книгах присутствует сильный гуманистический заряд...

–Заряд-снаряд! – буркнул Жорик, сосредоточенно пытаюсь состыковать части некоего механизма. – Блин! – Скользя от смазки деталька выскользнула у него из рук, стукнула в пол и отскочила под диван.

–Гуманистический заряд? Разумное, доброе, вечное? – наморщив хорошенький лобик, догадалась ведущая.

–Да. Да! Именно.

–Леонид, я не могу не спросить... Вы, конечно, в курсе: десять дней назад, двадцать девятого октября, в нашем городе произошло зверское убийство молодой женщины... Полно всяких слухов, поговаривают о маньяке. Вы человек информированный, вы, так сказать, в теме... что-то уже извест-

но?

– Ужас! – воскликнула Анжелика. – Весь город прямо гудит!

Писатель кивнул:

– Я знаю, что ведется следствие. Следователь... я не могу, как вы понимаете, назвать его имени, но хочу заверить – это один из опытейших оперативников, на счету которого десятки раскрытых преступлений. Я думаю, что-то уже известно. Подождем развития событий. Я думаю, не сегодня-завтра мы услышим, что убийца арестован.

– Если маньяк – хрен поймают, – заметил Жорик. Он стоял на коленях, оттопырив тощий зад, и шарил рукой под диваном. – Если он не связан с жертвой, нигде с ней не засветился, наблюдал издали, то хоть десять свидетелей и десять описаний – фиг найдешь. Сам же сказал: нет мотива – нет ниточки. Ну и где, спрашивается, эта зараза? Анжелка, где фонарик?

– Ты бы знал, – заметила Анжелика. – Не мешай!

– Есть! Вот она! – Жорик выпрямился, подняв руку с деталькой. – Он еще тут? – Он уставился на экран. – По Первому сейчас новости... Анжелка, отдай пульт! Он уже кончает!

– Сам ты кончаешь! И вообще, свои железяки можешь собирать в гараже, сколько раз повторять! – ответила мужу Анжелика, впрочем, вполне мирно.

– Я читал в газете, что муж убил жену из-за пульта. – Жорик, кряхтя, поднялся с колен. – Кстати, там у тебя пылицы

немерно.

—Ага, а я читала, что жена, — отозвалась Анжелика. — Нечего там лазить.

—Согласен, тема интересная, — заметил Монах в пространство. — Идеальное убийство, убийство в закрытой изнутри комнате, убийство без мотива. Помню, у нас в тайге был случай раз: застрелили местного охотника, причем ничего не взяли — ружье осталось при нем, нож, сумка... Жил один, семьи не было, врагов не было, друзей тоже. Бирюк. И убили.

—Нашли — кто? — заинтересовался Жорик. — Всегда надо искать, кому выгодно.

—Вроде никому. Говорили всякое, но ничего толком. Некому было его лишать жизни и не за что. Сошлись на том, что, может, несчастный случай, может, он случайно сам себя порешил... Так и не нашли.

—А может, действительно сам?

—Может. Все может быть, Жорик. Как сказал один умный человек, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

—Это кто?

—Ты его не знаешь, Жорик. Один англичанин. Красиво сказал, особенно в свете словес нашего знаменитого писателя... как его? Лени Громова.

Глава 4

Суть дела

... – А я было подумал, что, у вас украли золотую рыбку, – пошутил Монах, чтобы разрядить обстановку.

–Нет, с рыбками все в порядке, – слабо улыбнулась Кира.

–А почему воскресный? – по-глупому спросил Монах, как будто это было так важно. Элитарный, воскресный, марсианский – сути дела это не меняет. С человеком из этого бизнеса Монах сталкивался впервые. То есть с отдельными его представительницами сталкиваться ему доводилось, но с бизнес-леди... или *мадам* – так, кажется? – не пришлось... «Администратор!» – вспомнил он какую-то телепередачу о налете оперов на тайный дом свиданий. Там называли хозяйку «администратором». В понятии Монаха держательница дома свиданий, или администратор, должна выглядеть по-другому. Она должна быть крикливой, хамски намазанной теткой с цепким взглядом оценщика краденого и жадными пальцами в кольцах.

–Все девушки работают или учатся и свободны, как правило, только по воскресеньям, – ответила она.

–Сколько же их?

–Девять.

–Понятно. Так что же у вас стряслось, Кира?

—У нас несчастье. Убита девушка. Еще одна, Лина Кручек... на нее напали, но она сумела убежать. Она позвонила мне и рассказала, что накануне вернулась домой поздно вечером, а в квартире кто-то был, какой-то мужчина. Он набросился на нее, и она чудом спаслась. Она больше не вернулась туда – провела два дня у подруги, а потом уехала домой. Она из соседнего городка. Две девушки из девяти... я не знаю, что и думать.

—Как вы узнали об убийстве?

—Ира... Ирина Гурова, одна из девушек, исчезла, не позвонила... у нас принято звонить и сообщать, если что-то меняется. Она не позвонила, на звонки не отвечала, и я послала к ней нашего человека. Он узнал от соседей, что Ирина убита в своей квартире двадцать девятого октября, то есть четыре дня назад. Теперь уже весь город в курсе, полно слухов. А через неделю, шестого ноября, напали на Лину Кручек.

—Вы были в полиции?

—Нет. Я знаю... узнала по своим каналам, что открыто следствие. Ирина работала в банке. Девушки нашего клуба практически не знакомы между собой, – Кира с усилием сглотнула, – и никто не свяжет убийство с клубом. О нас никто не знает, кроме... сами понимаете. Все это просто ужасно! Ирина... бедная девочка! Если поднимется скандал с клубом... Понимаете, Олег, наши клиенты – солидные люди... не дай бог! Мне страшно даже подумать о том, что еще

может случиться. Я повторяю себе, что эти случаи не связаны между собой, что Ирину убил... не знаю! Знакомый, любовник... а на Лину напал случайный грабитель... Но мне страшно!

«Если поднимется скандал, судьба ее будет незавидной», – подумал Монах и сказал:

–Возможно, кто-то из клиентов?

–Ну что вы! Это, как я уже сказала, солидные люди, занимающие высокие посты, у всех семьи. Пока никто ничего не знает.

–У вас есть крыша? Кому вы платите?

Монах всегда без обиняков задавал самые неудобные вопросы.

–Нет! – вскрикнула она. – Я же сказала: никто про нас не знает. Я никому не плачу.

Они помолчали, и она, осознав смысл его вопроса, спросила:

–Вы считаете, что это попытка... что это попытка заставить меня платить? Рэкет? Но почему они не позвонили сначала?

–Крутые ребята, хотят показать, на что способны. Говорите, у вас есть люди в полиции?

–Вы думаете, это они?

–Я не знаю, я просто задал вопрос.

–Есть знакомый у нашего... телохранителя.

–Что за персонаж ваш телохранитель?

—Ну что вы, Кирилл не мог! — Она приложила руки к горящим щекам. — Вы не знаете его!

Монах вздохнул.

—Чего вы ожидаете от меня, Кира? — Для *мадам* она была не то глупа, не то наивна. И мало бита жизнью и обстоятельствами. А с телохранителем ее связывают особые отношения, что видно даже невооруженным глазом.

—Чтобы вы нашли убийцу и предотвратили новые убийства. И... возможно, у вас есть связи в полиции и вы могли бы узнать, что у них уже есть.

—Почему вы думаете, что будут новые убийства?

—Я не знаю! — вскрикнула она. — Я ничего не знаю! Я боюсь, понимаете?

—Кира, вы сказали, что ваши клиенты ни при чем... Вы действительно так думаете? И в полицию вы не пошли...

—Я не хочу, чтобы их таскали по допросам и задавали неудобные вопросы.

—Вы не ответили, Кира!

Она так и не притронулась к кофе. Расстегнула шубку, сдернула с шеи косынку. Вертела в руках бумажный стаканчик. На Монаха она не смотрела. Он молча ждал.

—Я понимаю, что вы хотите сказать. Из девяти девушек одна убита, на другую напали, и она чудом осталась жива. Напрашивается вывод, что убийца — клиент клуба. Так?

—Так. Кстати, как называется ваш клуб?

—«Черный фарфор».

– «Черный фарфор»? – удивился Монах. – Очень... романтично.

Кира не ответила.

– Скажите, Кира, сколько лет... – Монах замялся, подбирая слово.

Кира поняла:

– Шесть лет.

– И за шесть лет ни одного конфликта?

– Было несколько, но все несерьезные.

– Давно?

– Пару лет назад.

– Расскажите о клубе.

– Вы нам поможете?

– Я бы на вашем месте обратился в полицию.

– Но вы же написали, что у вас есть ответы! – снова закричала она; на скулах ее выступили красные пятна. – Вы же сами сказали!

– Речь идет об убийстве, возможно, убийствах, нельзя терять времени. У полиции больше возможностей. Я бы присмотрелся к вашим клиентам... сколько их?

– Около пятидесяти.

– Как они выходят на вас?

– Их рекомендует кто-то из других клиентов, как правило. Мы себя не рекламируем. Мы закрытый клуб.

– А девушки откуда?

– С кем-то я была знакома лично, с другими познакоми-

лась... случайно, некоторых приводят другие девушки.

—Кто принимает заказы?

—Все через меня. Мне звонят, я договариваюсь о встрече и перезваниваю девушке. Клиент часто хочет одну и ту же девушку.

—Бывает, что они выходят замуж за клиентов? — с любопытством спросил Монах.

Кира вздохнула:

—Нет.

—Почему?

—Не потому, что вы подумали. Не их не хотят, а они не хотят, понимаете? Девушки не хотят. Они уверены, что это только на пару лет, подзаработать на одежду, косметику и учебу, у всех будущее, пятеро учатся, остальные работают. Они не профессионалки. И когда они начнут новую жизнь, они не хотят даже вспоминать о... клубе. Они перечеркнут все, что было, и забудут. Перевернут страницу, так сказать. Они выйдут замуж, у них будут дети. Случись им столкнуться на улице с бывшими клиентами, они сделают вид, что незнакомы. Они не хотят, чтобы им напоминали об этой странице их жизни. Да и не знают они друг дружку, вернее, не все знакомы между собой. И клиенты у нас солидные и состоятельные, как я уже сказала. Чиновники высокого ранга, бизнесмены, люди искусства, им огласка ни к чему, их устраивает, что клуб закрытый. Это одно из условий — закрытость. Никаких пьяных оргий, никаких излишеств, все тихо,

почти по-семейному.

—Где происходят встречи? — Монах подумал, что все эти высокопоставленные клиенты сделают все, чтобы она не дожила до суда, если убийство свяжут с клубом. Она боялась не только за девушек, она боялась за себя.

—Иногда на квартире клиента, иногда в гостинице... где-нибудь за городом. На базе отдыха. Как правило, в выходные, но не обязательно. Никто из клиентов не знает, где девушка живет. Никто не знает их настоящих имен. Равно как и девушки не знают, кто их клиенты.

«Прямо масонская ложа», — подумал Монах и спросил:

— Извините за вопрос, Кира, о каких суммах идет речь?

—Около четырехсот — пятисот долларов за час. За ночь... больше.

—Кто-нибудь уходит на вольные хлеба?

—Бывает. В основном те, кто не собирается бросать. Они зарабатывают намного больше в одиночку. И работают не только по воскресеньям.

—Значит, до сих пор не было никаких проблем? Тишь, гладь... И вдруг убийство Ирины двадцать девятого октября и нападение на Лину... когда?

—Шестого ноября. — Кира поежилась. — До сих пор все было нормально.

—Как ее убили?

—Соседи сказали, что ее ударили ножом. Люди из полиции ходили по квартирам, опрашивали...

–Девушки знают о том, что произошло?

–Нет. Они вообще мало знают друг о друге.

Он рассматривал ее в упор. В Монахе многое оставалось от любознательного ребенка, и, если ему нравилась какая-нибудь вещь, он, не долго думая, протягивал руку и брал ее. Это относилось также и к людям.

–Кира, мне нужны имена всех клиентов и отдельно тех, что были знакомы с обеими девушками – Ириной и Линой.

Кира кивнула. Она так и не притронулась к кофе. Монах допил свой от нечего делать и прикидывал, не заказать ли еще для поддержания разговора и для пользы дела. Но уж очень кофе был нехорош, и Монах передумал.

–Почему вы не замужем? – вдруг спросил он.

Кира вспыхнула:

–Не ваше дело! – Похоже, она умела давать отпор нахамцам. Дело делом, и частная жизнь здесь ни при чем. Не лезь!

–Я и так знаю, – благодушно заявил Монах. Ему хотелось разозлить ее и посмотреть, что будет. – Вы были замужем, мужа увела молоденькая хищница, и вы теперь отыгрываетесь на почтенных отцах семейства, и скандал вас совершенно не пугает... – Он хотел добавить о телохранителе, с которым ее что-то связывает, но удержался – не время.

–Что вы несете? – возмутилась Кира. – Мой муж умер. Не ваше дело!

–А воскресный клуб вам зачем? – гнул свою линию Монах. – Деньги? Власть над девушками? Связи? От скуки?

Кира не спешила отвечать. Смотрела на Монаха с полуулыбкой – похоже, раскусила замысел. Потом сказала:

– Не только. Как-то само собой получилось, я не собиралась...

Скучающая красивая женщина с золотыми рыбками, скучающие или нуждающиеся молодые женщины без предрассудков, знакомые мужчины, чьи предложения известного толка она принимала... скорее всего, долгие и недолгие связи, легкие деньги... И в один прекрасный момент возникла идея свести их вместе. Для того, чтобы организовать бордель по вызову, нужно обладать достаточной широтой взглядов, не бояться скандала и не иметь предрассудков. Ей повезло, она была осторожной, видимо, не жадной, умела находить общий язык и с девушками, и с клиентами, и до сих пор ей везло. Но что-то случилось, и отлаженный механизм дал сбой. Она надеется, что гибель одной девушки и нападение на другую – случайность, не связанная с клубом, и что ему удастся доказать это.

– Вы согласны помочь? – Она смотрела на Монаха в упор. Монах молчал, раздумывая. Встревать в дело об убийстве не хотелось бы, но... ему было интересно, что же там у них случилось. Кроме того, хотелось чего-то новенького, не век же лежать на Жориковом диване, да еще и постылый «Зеленый лист» давит на сознание. Пока справится один Жорик, а он, Монах, поработает головой. Ему бы до весны дотянуть, а там... Убийствами, правда, он еще не занимался. Ну, кроме

того единственного случая...¹

Он хотел спросить, есть ли клиенты лично у нее, но что-то его удержало. В данный момент у них складывались доверительные отношения... почти, испортить их он всегда успеет.

– Да, Кира, я попытаюсь вам помочь. Мне нужно поработать с вашими бумагами. Как я понимаю, офиса у вас нет?

– Все у меня дома. Работайте у меня.

– Вы живете одна?

Она кивнула.

– В таком случае я могу пожить у вас, – непринужденно заявил Монах. – Мы всегда сможем обсудить ситуацию, и вообще.

Кира растерялась. Они смотрели друг дружке в глаза, Монах улыбался, ему было интересно, что она ответит. Он нравился женщинам и знал это. Несмотря на изрядный вес, китайские тапочки, а теперь громадные унты и вязаную шапочку, было в нем что-то, что делало все это неважным. Кира скользнула взглядом по его ручищам, в которых картонный стаканчик из-под кофе казался игрушечным, по растянутому вороту старого свитера, по вязаной шапочке с помпоном, лежащей на столе... и неуверенно кивнула.

...Монах вернулся домой, достал с антресолей рюкзак и принялся укладывать свои вещи.

– Олежка, ты чего? – спросила прибежавшая на шум Ан-

---

¹ Роман «Ошибка бога времени».

желика.

—Я временно поживу у знакомой, — сказал Монах.

—Ты познакомился с женщиной? — обрадовалась Анжелика. — И молчишь! А Жорик знает?

—Пока нет. Мы только сегодня познакомились.

—И уже переезжаешь?

—Это не то, что ты подумала, Анжелика, это работа.

Анжелика хихикнула.

—А как же мы?

—А вы пока без меня. Освобождаю лежбище, буду заходить в гости.

—Мы к тебе тоже. Я тебе положу бутерброды, чтобы не с пустыми руками. Жорик звонил, уже на подходе.

...Они засиделись в тот вечер. Монах не думал, что расставание с семейством Жорика будет таким горьким. Жорик был потрясен, он ничего не понимал, и Монах чувствовал себя предателем. Он не хотел рассказывать другу о Кире, но пришлось. Он, разумеется, не сказал всего и соврал, что ей угрожает опасность, ревнивый поклонник выслеживает, сидит в засаде, подглядывает в бинокль и все такое прочее, а поскольку она проживает одна, то... сам понимаешь, Жорик. Жорик, простая душа, понял, но усомнился, что, в случае чего Монах отобьется, так как не дрался ни в школе, ни потом, и предложил свою помощь. В том смысле, что они передут к Кире вдвоем. Монах хмыкнул и сказал, что подумает.

—Не забудь аманиту, — напомнил Жорик.

—Уже взял, — ответил Монах.

Аманита была таежным грибом, на который он наткнулся во время скитаний и познания мира, настойка его оказывала потрясающий эффект на организм человека. Жорик считал аманиту отравой и ведьминым зельем, а еще наркотиком почище героина, которого он, правда, никогда в жизни не пробовал, а Монах был уверен, что настойка абсолютно безвредна, прочищает мозги, подстегивает креативность и ускоряет мыслительный процесс. Кроме того, вызывает фантастические видения. Только не совсем ясно с дозой, тут еще работать и работать, причем работа, как все понимают, должна носить экспериментально-прикладной характер.

—Жорик, а ты видел сайты девушек по вызову? — вдруг спросил Монах, когда Анжелика вышла.

Жорик стрельнул взглядом в сторону двери и сказал:

—Ну видел. А что?

—Ну и как тебе?

—В каком смысле?

—Ты бы хотел с ними познакомиться?

—Откуда у меня такие бабки? — вытаращил глаза Жорик. — Ты что, Монах?! Семья на шее, школа обдирает прилично, цены на продукты растут! Это для олигархов. Вот раскрутимся с «Зеленым листом», тогда посмотрим. А девочки там ничего! А имена — вообще! Розиты, Лолиты, Клариссы... Все параметры выложены, картинки, позы, и тут же прайс-лист — нате вам, пожалуйста, на любой вкус.

Монах покивал задумчиво...

...Последние напутствия, пожелания, объятия... Казалось, Монах переселялся не на проспект Мира, который находился в получасе езды от Жориковой Вокзальной улицы, причем временно, а на край света.

Глава 5

Великое переселение

По новому адресу Монах явился в половине двенадцатого с рюкзаком и свертком с бутербродами, приготовленными Анжеликой. Кира открыла, посторонилась, пропуская его в прихожую. Молча, без обязательных ритуальных слов и улыбки. Он вошел. Просторная прихожая была красивой, как в кино про богатых. Светлая мебель, сухие цветы в двух майоликовых синих вазах на полу, зеркало во всю стену, четыре светильника – все говорило о теплой женской руке и... одиночестве. Квартиры, где живет мужчина, выглядят по-другому. Тут и грязные кроссовки, и сапоги, и следы на паркете, и горбатая вешалка с куртками, кепками и другим барахлом, которое хозяин бросает с лету, а не вешает аккуратно. Взять Жорика, например. Анжелика ворчала сначала, а потом смирилась и махнула рукой. Золотой характер.

Монах примерился было поставить рюкзак в угол, где он будет не так бросаться в глаза, но Кира церемонно сказала: «Я провожу вас в *вашу* комнату», – и он пошел за ней в одних носках, сбросив унты. Мужчина в носках выглядит сомнительно, он теряет представительность, становится меньше ростом и чувствует себя полным ничтожеством, особенно если носки желтого цвета в красную полосочку, толстые,

шерстяные, связанные умелицей Анжеликой, женщиной хорошей и душевной, но без художественного вкуса. Но это всякий другой мужчина, а не Монах. В этих носках он чувствовал бы себя естественно даже на приеме у английской королевы. Подобные мелочи никогда не портили ему кровь.

Его комната была хороша – небольшая, уютная, с громадной кроватью под голубым покрывалом, небольшим письменным столом, кожаным креслом и воздушными занавесочками на окне. Пол был покрыт голубым же ковром, а в углу стоял манекен в кружевном белом платье и розовой шляпке на крошечной лысой, почему-то черной головке. Черный фарфор, не иначе. «Ваша бабушка?» – хотел спросить Монах, но вовремя прикусил язык.

– Я думаю, вам здесь будет удобно, – церемонно сказала Кира. – Ванная по коридору направо, вторая дверь. Я положила свежие полотенца, голубые. И... – она заколебалась, окинув его взглядом, – халат и тапочки, по-моему, угадала ваш размер. Я принесла компьютер... Файлы «Девушки», «Календарь» и «Гости», вот. – Она протянула ему флешку, тут же отдернула руку, вспыхнула и положила ее на стол.

Монах чувствовал некоторую двусмысленность сцены, понимая, что Кира не знает, как вести себя с ним, и, возможно, уже жалеет о своем порыве.

– Спасибо, Кира. Мы что-нибудь придумаем, обещаю.

Она кивнула, произнесла церемонно:

– Спокойной ночи, Олег.

–Спокойной ночи, Кира.

Не взглянув на него, она вышла. Прошелестели легкие шаги по коридору, открылась и закрылась дверь, и проскрежетал в замочной скважине ключ. Кира заперлась изнутри. Монах ухмыльнулся, чувствуя себя польщенным. Красивая женщина, и краснеет... красиво. До кончиков ушей. Несмотря на возраст и богатый жизненный опыт.

Он стянул с себя свитер с разболтанным воротом, джинсы и желтые полосатые носки и, прихватив зубную щетку, потопал босой, в одних трусах, умываться. Опрокинул флакон с шампунем над ванной, напустил горячей воды и погрузился, устроив небольшое цунами и выплеснув воду на пол. Закрыв глаза и задумался. Загадочная женщина Кира, держательница воскресного клуба «Черный фарфор», шикарная квартира, насколько успел заметить Монах, – по меньшей мере три комнаты, а то и четыре... Или все пять. Неужели *это* такой прибыльный бизнес? Правда, были еще золотые рыбки, но, как он подозревал, лишь для отвода глаз – вроде хобби. Вопрос о прибыльности некорректен, одернул он себя. Вторая древнейшая профессия всегда пользовалась спросом, тело всегда было товаром, и рассуждать о том, плохо это или хорошо, – пустая трата времени. Есть спрос – будет предложение. Христианство против, ислам против, мораль, этика – все против! А древние религии, наоборот, приветствовали. Храмовые девушки принимали верующих по праздникам *gratias*, так сказать – то есть за так, – и все были доволь-

ны. *Ченнелизировалась* сексуальная энергия масс, уходила в космос, и снималось напряжение. Жрицы, гетеры, куртизанки, гейши... Монаху не нравилось слово «проститутка» – механическое, как всякий термин, кроме того, звучащее неблагозвучно и напоминающее другое, не менее неприятно звучащее слово «прусак». Девушка по вызову – безлико, пристойно, без дурных ассоциаций. Что-то даже милое чудилось, наподобие французской горничной в кружевном фартучке и куцей юбочке. Так и видишь приятную, хорошо одетую девушку, скромную... Ему нравились скромные девушки, ему и Кира понравилась, потому что скромная, с тихим голосом и растерянными глазами. Что было в известной степени игрой. Увы. Не сказала всего, привирает. Знает больше, чем говорит. Это ничего, это нормально, думал Монах, пробьемся.

Почти любой представитель мужского пола был для него открытой книгой, так как подчинялся известной логике в поступках, стереотипам в поведении и известным примитивным желаниям. Пища, пойло, коитус, если совсем просто... уж извините! Работа и творчество – если повезет. Самый-рассамый яйцеголовый все равно слеплен из того же теста, что и портовый грузчик. Воспитание, кругозор, благоуханность хорошей литературой, приличной ванной комнатой и антуражем дают себя знать, конечно, но от природы никуда не денешься. Если содрать оболочку – останется самец, которому природа диктует оплодотворить самку.

Причем чем больше, тем лучше, только трусость и воспитание мешают. В итоге гормоны влияют на принятие решений вполне идиотских, другими словами – хвост вертит собакой.

Не то с женщинами. Читать их как книгу труднее ввиду полной непредсказуемости, часто принимаемой за глупость, что далеко не так. Логика отсутствует, зато бурным цветом цветет интуиция, стереотипы размыты и нестабильны, желаний много и все разные. Деньги, шмотки, камешки, круизы, машины. Дети. Секс – на последнем месте. Если особь думающая, то головой, а не гормонами.

И кто-то надеется, что при таком раскладе эти двое найдут общий язык в долговременной перспективе? Ха. Трижды – ха-ха-ха!

Но это так, между прочим... Это в теории – не что иное, как выверт мыслительного процесса, протекаемого в неге горячей ванны. В жизни все не так безнадежно, и надежда всегда побеждает опыт. Есть умные женщины, и дотянуться до них мужику не дано. Обведут вокруг пальца, используя испытанное веками оружие: пустят слезу, посмотрят взглядом больной коровы, доверительно положат ручку на рукав и заглянут в глаза. А самец и рад обмануться, и пройдут они по жизни рука об руку: он, голый король, мнящий себя вожаком, она – усмехаясь неслышным внутренним смехом...

А есть еще глупые женщины, виснувшие гирей... упаси бог! С утречка пораньше, на цыпочках, туфли в руки – и ходу!

А то случается любовь, не тяга, а любовь, сильная, чистая и благородная, как горящий костер, – даже глазам больно и обжигает душу. Жертвенная, все принимающая, на все готовая, подставляющая плечо... за которую не жалко жизни. Природа ее не совсем понятна, как непонятна природа таланта. Дар, не иначе.

Монах был циником в силу знания жизни и ее изнанки, что не мешало ему, впрочем, безоглядно влюбляться и с ходу жениться. Он был женат трижды, как мы уже упоминали, и расставался с женами так же легко, как и женился, оставаясь с ними в самых прекрасных отношениях. И все они с удовольствием приняли бы его обратно, и, возможно, стоило бы задуматься – а не вернуться ли на насиженное место, а не болтаться бичом по тайге, сбивая кедровые шишки, и не отлеживать бока на Жориковом бугристом диване? Стоило-то оно стоило, но Монах никогда не возвращался. Возвращаться – все равно что пытаться поймать ветер. Пережито, забыто, ворошить ни к чему. Кроме того, ему всегда было интересно: а что вдали, что там, за горизонтом? А что будет дальше? Он не верил, что человек заканчивается с земной жизнью, и часто раздумывал о новом формате... где-то там, за пределами, особенно под влиянием бесценной аманиты. Желание перемены мест толкало его в спину острыми кулачками...

Сейчас он чувствовал себя в нирване – в облаках розовой пены, запах – как в раю, полно зеркал, даже на потолке,

что наводит на известные мысли. Красивая комната, золотые краны, яркий светильник – плоский розовый плафон на потолке, коврики и полотенца из хорошего магазина, а не с рынка, добрая сотня флаконов и тюбиков... Ни один мужик под страхом смертной казни не разберется в этом хозяйстве, хотя... не факт – Монах вдруг вспомнил рекламу мужской косметики. Один латиноамериканский автор сказал, что от мужчины, *мачо*, должно пахнуть потом и луковой похлебкой. Образно сказал, но... вчерашний день, уже не прокатывает и морально устарело. Все стремится к унисексу – ни то ни се, даже на вид черта с два определишь, кто есть кто.

Монах рассматривал свое отражение на потолке и находил его вполне... гм... пристойным. Обстоятельная борода, как у Эйрика Рыжего, викинга, открывшего Америку за добрую сотню лет до Колумба, – сейчас намокшая и потемневшая; круглые, детской голубизны пытливые глаза, толстые румяные щеки, слегка торчащие вихры – бывшие локоны, отрезанные недрогнувшей рукой Далилы-Анжелики, которая для экономии сама подстригала все семейство.

Он снова закрыл глаза и задремал. У него мелькнула было мысль принять аманиты для, прочищения мозгов, чтобы усилить кайф, но лень было вставать. Он лежал в теплой воде, неторопливо перебирая детали сегодняшнего... уже вчерашнего дня и выстраивал возможную конструкцию событий. Конструкция шаталась, ей не хватало твердой основы ввиду недостатка информации. Кира сказала ему лишь о

том, что лежит на поверхности, но всегда есть глубинные течения, причины и мотивы любого действия. Значит, нужно сформулировать и задать ей вопросы, вполне однозначные, на которые можно ответить только прямо и однозначно. Уби- та девушка... Ирина. Красивое имя... трепетное, как назва- ние цветка. Есть такой цветок... Монах под водой пошеве- лил пальцами, стараясь вспомнить название цветка, но так и не вспомнил. Другую девушку – Лину – поджидали дома явно не с целью познакомиться, а... понятно, для чего. Хотя не очень понятно. Возможно, действовал один и тот же пер- сонаж, потому что девушек связывает клуб. Это не просто какие-то девушки, это девушки по вызову из закрытого вос- кресного клуба «Черный фарфор», о чем убийце прекрас- но известно. Мотивом может быть... что угодно. Месть за собственную мужскую несостоятельность, страх перед жен- щинами, острая неуверенность в себе, попытка отыграться за собственное ничтожество, а также ревность или зависть. Или осуждение и наказание за грех. Человек – существо со всячинкой, и граница между нормой и аномалией очень тон- кая. Однозначно то, что убийца знает про клуб и девушек. Значит, инсайдер. Не исключается месть... Кире. Предупре- ждение. Принуждение к чему-то. Шантаж. Рэкет. Она знает, должна знать или хотя бы догадываться.

А почему она позвала его, Монаха, вместо того чтобы броситься в полицию? Не уверена в своих догадках, боит- ся огласки и скандала, надеется, что убийца ограничится

одной девушкой? Если убийца психически неполноценный, то убийства будут продолжаться. А если нет? Если убийца нормален и все-таки убивает? Зачем? Любопытство? Жажда острых ощущений? Ладно, сейчас не психотип важен, одернул он себя. Сейчас главное – поймать *его* и не допустить следующих убийств.

Идем дальше. Если шантаж – то она понимает, что в ее силах прекратить... О каких, интересно, суммах может идти речь, если для этого идут на убийство? Продажа аквариумных рыбок, доход от клуба... это что, так много? Или есть другие источники дохода? Судя по квартире, должны быть.

Он не частный детектив, да и не занимаются частные детективы убийствами – не по рангу. Им по плечу всякая мелочевка – выследить загулявшего мужа, найти должника или пропавшего родственника. Почему Кира обратилась к нему, Монаху? Зачем предложила незнакомому сомнительному типу из Интернета, возможному шарлатану и проходимцу, переехать к ней? Почему не попросила об услуге своего телохранителя... как его? Кирилл, кажется. Если она раскрутила свой подпольный бизнес, то далеко не глупа и предприимчива. Зачем он ей?

Причины ему виделись пока три: ей нужен кто-то, кто примет решение, зрелый неглупый бывалый человек – как на картинке в Интернете, который пообещал, что разрулит любую ситуацию, потому что безвыходных ситуаций в природе раз-два – и обчелся. Она поверила ему от растерянности и

страха, потому что кидаться ей, похоже, некуда. Знакомому не расскажешь – ее знакомым вряд ли известно о «Черном фарфоре». А чужому – в самый раз. Кстати, почему «Черный фарфор»? Уж скорее – «Черные бабочки».

Причина вторая – страх. Ей страшно оставаться одной в квартире. Пригласить подругу она не может, не хочет ничего объяснять. Она, правда, могла бы позвать Кирилла... но не позвала. Или он не согласился... почему-то. Или глуп. Или она подозревает его... Тоже информация к размышлению. Теперь она боится и его, Монаха, – вон заперлась в своей спальне. Тут он вспомнил, что сам напросился к ней, ей это вряд ли пришло бы в голову, и теперь поди определи, сколько здесь было ее доброй воли, а сколько – внушения.

Причина три – любая! Неизвестная величина. Что она задумала, чем руководствуется – пока неясно. Также неясно, на что она, собственно, рассчитывает. Возможно, пытается оправдаться перед собой – не зарылась головой в песок, не закрыла уши и глаза, а наняла детектива... вот! Думала, как лучше...

Ему вдруг пришло в голову, что история с Кирой – его первое дело, *статусное* для «Бюро случайных находок», и если он раскрутит это дело, то... сами понимаете, клиент пойдет косяком. Монах иронически хмыкнул.

Под эти мысли он уснул и даже слегка захрапел. Вода в ванне тем временем остыла, пена из розовой превратилась в серую и осела, лампочка в плафоне на потолке замигала,

и погас свет. Монах замерз и проснулся. Вокруг стояла крошечная тьма, и тишина была как в склепе. Чертыхаясь, он на ощупь вылез из ванны, потоптался на мягком коврике, пытаясь вспомнить, где дверь. У него мелькнула мысль, что свет погас не случайно, что уже «началось» и убийца в доме, но мысль эту он сразу же отмел, как непродуктивную – пока он спал в ванне и был беззащитен, как новорожденный младенец, его можно было брать голыми руками. Бросить в ванну включенный фен, например. Шарахнуло бы знатно! Значит, случайность – скорее всего, перегорела лампочка или выбило фазу. «Еще постриптизим», – оптимистично подумал Монах. Он не подозревал, насколько эта мысль оказалась впоследствии близкой к действительности.

Ему удалось нащупать дверь, и он осторожно шагнул в коридор. Зацепился мизинцем ноги за косяк, зашипел от боли, пробормотал неприличное словцо и окончательно проснулся. Он помнил, где находится выключатель, и теперь осторожно, по стеночке, пошел в том направлении. Когда он протянул руку, чтобы включить свет, под потолком внезапно вспыхнула люстра, и Монах увидел изумленную Киру, которая смотрела на него, вытаращив глаза. Монах побагровел, немедленно заслонился руками и пробормотал: «Пардон!» Они стояли друг против друга: Кира, в белом атласном халатике – ворот его она судорожно придерживала у горла кулачком, – бледная и перепуганная, и мокрый, розовый, как гигантский пупс, бородатый Монах. Кира вдруг ахнула и по-

мчалась прочь по коридору. Захлопнулась дверь ее спальни, заскрежетал ключ.

–Послушайте, Кира! – завопил Монах, бросаясь за ней. – В ванной перегорела лампочка! Я нормальный! Не бойтесь! Но тщетно! Кира затаилась и не отвечала...

Чертыхаясь, Монах вернулся в ванную комнату, сорвал с вешалки розовое полотенце, замотался и стал похож на римского патриция в термах. Про халат и тапочки он успел забыть. И отправился на кухню, чувствуя, как разыгрался аппетит. Открыл холодильник, достал Анжеликины бутерброды в красном пластиковом пакете и жестянки с пивом, которые оказались в дверце. Монах слегка удивился, что Кира пьет пиво, но тут ему пришло в голову, что пиво куплено специально для него, равно как халат и тапочки. Он окинул взглядом свои босые ноги и полотенце – пойти разве одеться, – и махнул рукой.

Он с удовольствием съел все три бутерброда и выпил три жестянки пива. Часы, фальшивый антик – громко тикающие ходики с красным солнцем, синей луной и серебряными звездами, – показывали три часа ночи. Время привидений. Три ночи, а не полночь, как принято считать, утверждают сведущие люди.

Монах сложил тару из-под пива в мусорное пластиковое ведро, которое нашел под раковиной, и пошел к себе. По дороге заглянул в ванную, снял с себя розовое полотенце и надел синий, в зеленую полоску махровый халат, рассудив, что

халат, видимо, тот самый, о котором говорила Кира, и предназначен для него. Халат был обширен, как парашют, и Монах с удовольствием завернулся в него и подвязался поясом. Потом сунул ноги в большие черные шлепанцы и, стараясь не шаркать и производить как можно меньше шума, пошел в разведку.

Одна из комнат оказалась гостиной – большая, прекрасно обставленная, со светлой мебелью, темно-красным ковром, хрустальной люстрой – подвески ее нежно зазвенели, когда он приоткрыл дверь. Следующая была рыбьей фермой – здесь помещались четыре больших аквариума, за стеклом мелькали светящиеся рыбешки, совсем крошечные и побольше; по углам горели две неяркие лампы, над одним из аквариумов тянулась неоновая трубка. Мягко бежали кверху серебристые пузырьки воздуха, чуть колыхались тонкие стебли водорослей. На столе и полках стояли пакеты, баночки, коробочки, сачки. Пахло здесь сыростью и еще чем-то неприятным. Монах осторожно прикрыл дверь.

Третья была гостевой, то есть его собственной, а четвертая – спальней Киры. Монах на цыпочках подошел к этой двери, прикидывая, не постучать ли и не выяснить ли отношения прямо сейчас, даже руку протянул, но не решился – вспомнил ужас на ее лице при виде его туши. Хмыкнул и пошлепал к себе.

Еще около часа он изучал файлы, которые в смысле информации были практически бесполезны и годились толь-

ко для статистики и общего впечатления. Так, он узнал, что клиентов в клубе «Черный фарфор» было пятьдесят два, имена их были обозначены кодами, а обслуживающего персонала насчитывалось девять человек, о чем он уже знал. Против каждого имени в скобках стоял псевдоним. Ирина (Руна), Слава (Селина), Лина (Алена), Светлана (Софья), Марина (Мила)... и так далее. Фамилий не было. Видимо, существует еще один файл, суперсекретный, который Кира ему не даст. Или даст, но не сразу. Из календарной сетки выходило, что девушки задействованы примерно раз или два в неделю. Если их заработок за рабочий визит четыреста или пятьсот зеленых... по меньшей мере, то приварок к зарплате или стипендии получается нехилый. А если барышни подрабатывают в обход «профсоюза», то еще более нехилый. Хватит на карманные расходы. Действительно элитарный клуб, почти домашний. «Черный фарфор»... От нечего делать он набрал название в Гугле и узнал, что черный фарфор невозможен по ряду причин, разве что выкрасить изделие снаружи кисточкой, но при этом черепки на разломе все равно будут белые. Несколько минут он размышлял о тайном смысле и значении необычного названия, но так ни до чего и не додумался. Еще одно бессмысленное название типа «бисерных зонтиков», «сверкающих орхидей» или «небесного эха» – красиво, но непонятно, как любит говорить Жорик про всякую заумную фигню. Однако каждый, наткнувшись на подобное название, тем не менее представит себе *нечто*

– в силу воображения, жизненного опыта и романтического настроения. Вот и черный фарфор – изысканно, элитарно, женственно; так и видишь точеный черный силуэт... Монах покосился на манекен в углу.

Спать не хотелось, ночь все равно испорчена, и Монах погрузился в недра Интернета. Посмотрел финал КВН, пару серий «Грача»... Потом наткнулся случайно на сайт «Черный Властелин», решил, что это очередной графоман в стиле фэнтези, пробежал наскоро...

...«Свобода!» – патетически восклицал какой-то телепень с манией величия по кличке Черный Властелин. – После плена, после тюрьмы, после тупой и мрачной безнадежности... чувство вины – да, но свобода того стоит. Годы, прожитые впустую... долг, мораль – химеры! Всего-навсего химеры! Мир жесток – или ты, или тебя. Нейтралитета не бывает. Всегда лишь одна сторона баррикады, и нужно не бояться сделать выбор. Выбор – это свобода. Одно маленькое движение – и свобода! Как мало нужно... или много, чтобы решиться. Столкнуть себя с мертвой точки... разбудить! Мертвая точка! Смешно...

Хищник опьяняется запахом крови и страхом жертвы... власть! Свобода и власть!

Да! Свобода и власть!

...В ту комнату я не захожу, никогда не зайду, там музей... все как было. Смиренная просьба о прощении. Теперь можно. Мерзкий запах, мятые простыни, подушка на полу,

задернутые окаменевшие шторы... Конец долга. Конец безнадёжности.

Свобода!»

И ещё несколько страниц в том же духе. Власть, свобода, опьянение, чувство полета. Закрытая комната... Обещание продолжить и продолжать бесконечно, до полного сноса кухни. «Кого только не встретишь на виртуальных перекрестках, – подумал Монах. – Интересно, что испытывает этот тип, выкладывая в Сети подобные откровения? С чего его так корежит? Проблемы с головой или одиночество? Отзывов пока нет, дружбы не получается. Написать, что ли? Спросить?»

...Было пять утра, когда он решительно постучал в дверь спальни Киры, будучи уверенным, что она не спит. Он услышал легкий шелест шагов и понял, что она стоит под дверью, затаив дыхание.

–Кира, нужно поговорить. Откройте, я одет.

–Давайте утром, – сказала она наконец.

–Уже утро. Вы же все равно не спите. Я посмотрел ваши файлы, в них мало толку.

Он стоял под дверью, ухмыляясь, зная, что никуда она не денется. Она боялась убийцы, теперь она боится его, Монаха, и жалеет, что затеяла все это. Лучше было бы сунуть голову в песок и замереть – авось пронесет. Ей непонятно, что он задумал и чего от него ждать.

«А зачем она все это затеяла? – спросил он себя. И отве-

тил: – А черт ее знает!»

Он не ошибся...

Она стояла перед ним в своем белом атласном халатике, глаза казались громадными на бледном лице.

–О чем вы хотите поговорить? – Тон почти враждебный.

–Кира, мне нужны имена ваших клиентов.

–Нет. – В ее голосе зазвучал металл.

–В таком случае не вижу смысла... продолжать наши отношения.

Она молчала.

–Зачем вы меня позвали? Боитесь? Чего?

Она молчала.

–Вы могли позвать вашего телохранителя, я уверен, он из тех накачанных мальчиков, которые отобьются в случае чего. А я... мой друг Георгий считает, что я плохая защита, и предложил переехать к вам на пару. Он больше верит в кулаки, чем в интеллект. Но я всегда считал, что лучшая защита – мозги. – Он постучал себя согнутым пальцем по лбу. – Правда, иногда не успеваешь включиться, кроме того, инерция мышления срабатывает и тормозит, и пока суть да дело, тебе успевают накидать... э-э-э... по чавке, извините за выражение. Так что же с нашим телохранителем? Кирилл, кажется? Что с Кириллом? Где он? Где его место в раскладе? Он ваш любовник? – Ему хотелось вывести ее из себя.

–Как вы смеете! – вспыхнула Кира, и Монах понял, что не ошибся.

–Вы его отставили, надоед, и теперь остались в одиночестве? И бросились к первому встречному из Интернета... Опасная это затея – бросаться к первому встречному из Интернета. Интернет вообще опасная штука. Я прав?

–Не ваше дело! – закричала Кира. – Уходите!

Они все еще стояли у двери в ее спальню, с обеих ее сторон, и она попыталась захлопнуть дверь, но Монах помешал, всунув внутрь ногу в черной тапочке.

–Вы же понимаете, что убийства будут продолжаться? И вы знаете убийцу! – Он бил наугад, не сводя с ее лица взгляда в упор.

–Ничего я не знаю! – Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Он схватил ее за руку и вытащил в коридор. Они так и шли: впереди Монах, как крейсер, и плачущая Кира следом, как маленькая лодочка. Руки ее он так и не выпустил. В гостиной он подтолкнул ее к дивану, сам уселся в массивное кресло напротив. Теперь их разделял журнальный столик.

–Ну! Говорите.

–Я не знаю, кто убийца. Честное слово!

–Но вы же понимаете, что он связан с вашими... фарфоровыми куклами? Две девушки... одна убита, на другую напали. Это не случайность. Это сделал человек, знакомый с обеими. И только вы знаете, кто из клиентов пользовался услугами этих двоих, а то и... троих и так далее. – Монах чувствовал, что версия его слабовата: если бы все было так

просто! Убийца – тот, кто был с обеими... возможно, но не факт.

–Я не могу поверить... – пробормотала Кира.

–Если не клиент, тогда тот, кто знает о клубе... возможно, от вас или от девушек.

–Но почему?

–Мы это уже обсуждали. Спрашиваю еще раз: чего вы ожидаете от меня? Я дал вам совет – идите в полицию.

–Нет! Я никому не говорила о клубе. Девушки... не верю! Даже если кто-то из них сказал подружке... ну и что? А другу о таких вещах не говорят. В любом случае он знал бы только о своей подружке. Девушки даже не знакомы между собой, то есть не все. Может, случайность? – Она с надеждой смотрела на него.

–Вы же сами понимаете, что нет. Кира, вы убийца? – вдруг выпалил Монах.

–Вы с ума сошли! – Она вскочила с дивана. – Убирайтесь из моего дома! Вы маньяк! Ненормальный!

–То есть вы хотите сказать, что я не прав? Тогда скажите правду. Вы же все время врете!

Она упала на диван и снова заплакала. Любимое женское оружие – слезы. Монах с удовольствием ее рассматривал. Пола ее халатика задралась, и ему было видно ее круглое колено и выше... красивая загорелая кожа... теплая и нежная даже на вид как... золотистый *фарфор*. Он не испытывал жалости, подозревая в Кире некую, пока непонятную ему игру

и расценивая ее слезы исключительно как оружие. Он вдруг достал из кармана серебряную монетку и принялся крутить ее в пальцах.

—Кира! Смотрите сюда!

Он поднял руку с монеткой на уровень ее глаз. Монетка мелькала в его пальцах... Кира уставилась на монетку, перестала всхлипывать. Сверкающий кружок отражался бликом в ее глазах.

—Закройте глаза, Кира... — Голос его упал до шепота. — Сейчас вы уснете... уснете... уснете...

Она послушно закрыла глаза.

—Кира, вы меня слышите?

Она шевельнула губами:

—Да...

—Кто убийца, Кира?

Она молчала.

—Кира, вы меня слышите? Кто убийца? Вы его знаете?

—Не знаю...

—Кто убийца, Кира?

—Не знаю...

Монах щелкнул пальцами.

—Просыпайтесь, Кира! — Он хотел сказать «спящая красавица», но удержался...

Кира открыла глаза, тревожно взглянула на Монаха.

—Все в порядке, Кира, вы никого не выдали. — Он кашлянул. — Итак, о чем мы? Вы хотите, чтобы я ушел?

–Нет, – выдавила она из себя. – Пожалуйста...

–Тогда слушайте. Мне нужны все имена... честное слово, я не собираюсь шантажировать ваших клиентов. Да и кого теперь этим напугаешь?! Еще телефон той девушки, на которую напали, Лины. Мне придется поговорить с ней. Еще! Я хотел бы поговорить с вашим телохранителем. И последнее. Нужно позвонить всем девушкам – пусть куда-нибудь уедут на время...

Кира кивнула.

–Кстати, почему «Черный фарфор»? – вдруг спросил Монах.

Кира пожала плечами...

Глава 6

Лина Кручек

Монах решил начать с Лины Кручек, которая была свидетелем: железо нужно было ковать, пока горячо. Другая девушка, Ирина, подождет. Ирине уже все равно. Монах шумно вздохнул.

– Ты чего? Заболел? – спросил Жорик, поворачиваясь к Монаху.

– Смотри на дорогу, – сказал Монах. – Здоров я.

– Я все-таки не понимаю, куда мы едем, – проворчал Жорик. – Ты что, ввязался в убийство?

– Не знаю, куда я ввязался, – рассеянно отозвался Монах. – Поживем – увидим.

– Она повесит все на тебя, вот увидишь. Может, она сама и замочила. Они же никогда не скажут правды.

– Не скажут. Генетика такая.

– Врет?

– Привирает, крутит... ты же сам сказал, что правды не скажут.

– А ты не можешь ее... как меня тогда! Погрузить и заставить признаться.

– Не на всех действует, Жорик.

– А ты пытался?

–Пытался,дохлый номер. Правда,она сделала вид,что
впала в транс...

–Сделала вид? – поразился Жорик. – И чего?

–И ничего.

–Она тебя уделает, Монах. Знаешь, какие есть бабы? У те-
бя же нет опыта оперативной работы. И к себе пригласила...
Вот так, за здорово живешь, незнакомого мужика с улицы...
неспроста! Почему не к ментам?

–Из Интернета.

–В смысле?

–Не с улицы, а из Интернета. А менты занимаются... со
своей стороны. Девушки предупреждены, пара дней для раз-
гона у нас есть, я думаю.

–Один хрен. Сейчас знаешь, сколько аферистов, что на
улице, что в Интернете?!

–Остынь, Жорик. Посмотрим. Знаешь, она разводит золо-
тых рыбок... – Монах надвинул вязаную шапочку на глаза,
собираясь вздремнуть.

–Золотых рыбок?! – Жорик был так поражен, что заткнул-
ся и задумался ненадолго, потом сказал: – Я бы назвал клуб
«Золотая рыбка».

–Тоже красиво, – пробормотал Монах. – Или «Золотой
ключик».

–При чем тут ключик? – не понял Жорик, но Монах не
ответил – он уже спал.

...Они приехали в Северск, небольшой городок на севере области, к полудню. Часы показывали двенадцать, а в природе уже наступили синие сумерки. Бледное, зябкое солнце, выглянувшее было на полчаса, юркнуло за тучу, дунул ледяной ветер и посыпал мелкий колючий снег. Они нашли дом тринадцать по улице Вторая Набережная, и Монах достал мобильный телефон. Лина ответила сразу...

Она оказалась красоткой, эта Лина. Высокая, быстрая, с длинными светлыми волосами, сероглазая. В тонком голубом свитерке и короткой юбке. Жорик при виде девушки раскрыл рот и впал в ступор.

Монах представился и представил Жорика.

—Очень приятно! — Лина протянула руку сначала Монаху, потом Жорику. Причем Жорик замешкался, вытер руку о джинсы и только потом протянул девушке.

—Чай? Кофе? Есть хотите?

—Не откажемся, Линочка, — прогудел Монах, с удовольствием ее разглядывая. — Дорога паршивая, едва доехали.

—Располагайтесь! — Она махнула рукой на диван. — Я сейчас.

Монах пихнул Жорика локтем.

—Закрой рот.

—Ты видел? — очнулся Жорик.

—А ты думал! «Черный фарфор».

—Сколько же она берет? — прошептал Жорик.

—Прилично, друг мой, прилично. Вот раскрутимся с «Зе-

ленным листом», заработаем бабки, и я, так и быть, сделаю тебе подарок на день рождения. – Он ухмыльнулся. – Спросишь разрешения у Анжелики, и сразу...

Закончить фразу он не успел. Лина с подносом стремительно вошла в комнату. Монах и Жорик разом вскочили ей навстречу. Монах при этом толкнули в корпус тощего Жорика, и тот рухнул обратно на диван.

Они пили кофе и наворачивали бутерброды. Жорик уже освоился настолько, что спросил, кто еще живет в квартире. Лина ответила, что мама, которая сейчас у сестры, тети Маруси, которую бросил муж и она в депрессии. Двух комнат, правда, маловато, но они привыкли, и сейчас ей уже кажется, что она никуда не уезжала... После большого города все кажется таким маленьким и серым... Люди и нравы... По их местным стандартам она засиделась в девках, ей уже двадцать пять, а в городе она еще девочка.

–Соседка спрашивает, чего не иду замуж, я говорю – учиться надо, а она говорит – не учиться, а мужа денежного! Представляете? Здесь ничего не меняется, бабушка когда-то говорила: «вуз» значит «выйти удачно замуж». Дикость!

Монах и Жорик переглянулись, и Жорик незаметно показал большой палец и закатил глаза.

Лина говорила непринужденно, держалась легко, но, несмотря на легкость, не производила впечатление болтливой глупышки. Она подсовывала гостям бутерброды, доливала кофе, и Монах подумал, что девушка приятна во всех

отношениях и можно только вообразить себе, насколько она приятна... в определенных ситуациях. Действительно, элитарный клуб! И неглупа. Очень неглупа. Он попытался вообразить себе определенную ситуацию, скользнув взглядом по фигуре Лины, и наткнулся на иронический взгляд Жорика.

—Где вы учитесь, Лина? — спросил он.

—В политехе, на архитектурном. Мне бы дотянуть до весны, получить диплом бакалавра, и только меня здесь и видели. Я отправила документы в художественную академию в Хельсинки, поступаю в магистратуру. Показала им свои работы, у меня две премии за оригинальность проектов. Например, гостиница на воде... вернее, в воде. Бунгало на сваях! Представляете?

—А если шторм? — спросил Жорик.

Лина рассмеялась:

—Там небольшая глубина, я все рассчитала. Мне бы только дотянуть до весны... — Она опустила глаза и вздохнула.

Монах понял, что она боится. Ее смех и легкость были наигранными — Лина давила свой страх, она была сильной личностью, но ей было страшно.

«Еще одна испуганная женщина», — подумал Монах.

—Дотянете, — сказал он внушительно. — Дайте руку!

Лина, улыбнувшись, протянула руку. Ее рука, маленькая и теплая, утонула в ручище Монаха. Они держались за руки; Жорик вытаращил глаза и перестал жевать, подозревая, что Монах проводит сеанс ведьмотерапии, как он называл *всю*

эту фигию с внушением, распределением энергетических потоков и насильственно-позитивным восприятием окружающей действительности. Он ожидал, что Монах начнет гудеть, как шмель, и раскачиваться... бывало и такое! Но Монах сидел неподвижно, закрыв глаза. Лина тоже сидела неподвижно, с закрытыми глазами, и Жорик почувствовал что-то вроде ревности. Оба напоминали сейчас кадр из виденного Жориком кино, где двое занимались тантрическим сексом, только сексом как таковым там и не пахло. С Монаха станется, вон рожа какая довольная. Жорик не сводил взгляда с коленок Лины...

Монах открыл глаза, проследил за взглядом Жорика и ухмыльнулся. Выпустил руку девушки.

—Ну что? — спросила она, улыбаясь.

—У вас большое будущее, Лина, — сказал Монах серьезно.

—А вы кто? Экстрасенс?

—Я волхв.

—Волхв? Настоящий? Но...

—...Но?

—Но это же было в древности! Разве сейчас есть волхвы?

—А куда они, по-вашему, делись?

—Ну... не знаю... — Лина замялась.

—Вымерли! — подсказал Жорик, и Лина рассмеялась.

—Они же совсем другие... Я видела на картине.

—И чего же мне хватает? Борода есть, вес... тоже. Колпака и мантии?

Лина пожала плечами:

–И вы видите будущее?

–Да. Иногда вижу.

Жорик фыркнул.

–И у меня все будет хорошо? Я уеду отсюда?

–Да, Лина, все у вас будет хорошо. Только осторожнее, пожалуйста, не торопитесь решать и рубить сплеча, подумайте, взвесьте хорошенько. Есть вещи, которые потом нельзя исправить. Вы девушка решительная... Мой вам совет – дуйте на воду.

–И не открывайте никому дверь, – добавил Жорик.

–Спасибо, не буду! – Лина рассмеялась. – Кира сказала, у вас вопросы ко мне...

–Расскажите про нападение, Лина. Постарайтесь не пропустить ни малейшей детали. Начните с того, где вы были и когда вернулись домой.

–Я была у знакомого, – сказала девушка непринужденно. – Вернулась около одиннадцати на такси. Погода была ужасная, ветер страшный, прямо с ног сбивал, и начинался дождь. Во дворе я никого не встретила. Влетела в подъезд, вызвала лифт, достала ключи из сумочки. Открыла дверь, хотела включить свет, но свет не зажегся, и я подумала, что перегорела лампочка. Как была, одетая, пошла в гостиную, чтобы включить свет там. Держусь рукой за стенку, тьма крошечная, и вдруг... – Девушка запнулась.

–Вдруг?

—Вдруг почувствовала: что-то не то... Запах! Пахло кожей... и еще чем-то... лосьоном, что-то цитрусовое... лимон, мандарин... очень слабо. У меня нос как у кошки, нормальный человек и не заметил бы, а я... Вы не поверите, я и духами не пользуюсь, меня тошнит от сильных запахов, и кружится голова. И вот стою я в темной прихожей, не могу пошевелиться, вся в таком напряжении, что даже в ушах зазвенело. И вдруг слышу шорох со стороны гостиной и как бы сквознячок... Выхватываю из сумочки баллончик и давлю изо всех сил! Ничего не видно, но я, наверное, попала... Он вскрикнул, а я бросилась на лестницу. И только одна мысль: скорее, скорее! И чувство, будто бы он хватает меня сзади! Нажала в кабине на кнопку первого этажа, лифт пошел вниз, а я побежала вверх. Там еще два этажа. Затаилась на четвертом и слышу, как он помчался вниз. Хотела броситься в квартиру, но меня вдруг осенило, что у него ключ... или отмычка и он может вернуться. Сейчас я понимаю, что он вряд ли полез бы снова, я могла бы поднять шум, закричать, позвонить... но тогда я мало что соображала. И вдруг мне как по башке дали — у меня же ключ от соседкиной квартиры! Она всегда оставляет, когда уезжает, я кормлю ее кошку Долли. Достаю... слава богу, не выложила из сумочки, осторожно открываю, вхожу и запираюсь. Долли крутится под ногами, а я прислушиваюсь, и мне кажется, он вернулся, стоит на площадке и тоже прислушивается. Думаю с ужасом — сейчас Долли мяукнет, и он поймет, что я здесь, уже представляю,

как он будет выламывать дверь! – Лина приложила ладошки к щекам. – Стою, а потом как осенило – побежала к окну! И вижу, он выскочил из подъезда и бегом через двор, а потом вдруг остановился, повернулся и посмотрел... прямо на меня! Я даже вскрикнула и отшатнулась!

–Лина, вы его узнали? – спросил Монах.

–Нет!

–Сосредоточьтесь, Лина. Человека узнают по всяким мелочам, даже не видя его. Вы почувствовали запах мандарина и кожи... что еще?

Девушка задумалась:

–Ничего такого... нет. Ничего больше.

–Какого он роста? Закройте глаза и представьте себе...

–Понятия не имею. Когда я смотрела сверху, то казался маленьким, а тень длинная, ломаная такая... Бежал вниз по лестнице через несколько ступенек... Шаги неслышные, видимо, мягкая обувь.

–Молодой? Старый?

Она пожала плечами:

–Не старый, здоров бегать. Старый так не побежит.

–Вы уверены, что не знаете его?

–Уверена!

–Он что-нибудь сказал? Выругался?

–Он вскрикнул, когда я попала спреем...

–Как?

–Как? Как будто выдохнул, что-то вроде «ах!».

–Вспомните голос, Лина. Голоса уникальны, они как отпечатки пальцев. Что особенного в его голосе? Глухой, хриплый, тонкий, грубый? Был это голос молодого человека или человека в возрасте?

Девушка задумалась. Она сидела, обхватив себя руками, уставившись взглядом в стол. В квартире было тихо. Тишина нарушалась всякими мелкими случайными звуками: капала вода из крана на кухне, тонко, назойливо звенела лампочка в торшере в углу, с улицы доносились крики ребятни, гул машин, дробные мелкие удары снежной крупы в окно – снова пошел снег.

–Жорик, сходи сделай нам еще кофеечку, – сказал вдруг Монах, и Жорик вздрогнул. Взглянул на Лину и поднялся.

–Я слышала его раньше! – вдруг выпалила девушка. – Я слышала его раньше! Это... невероятно. Я узнала его!

–Хорошо, Лина. Это кто-то из ваших знакомых?

Она снова задумалась.

–Не знаю, – сказала наконец. – Но я слышала его раньше, честное слово!

–Когда? При каких обстоятельствах?

–Давно... недавно... не знаю.

–Было тепло? Холодно? Шел дождь? Снег? Была гроза? Было темно? – Монах словно пробирался на ощупь. – Вы были одна?

–Не помню, – сказала она расстроенно.

–Это был знакомый или случайный человек? Вспомните,

что он сказал. Если был голос, то были и слова... Он что-то сказал! Что?

—Что? — повторила Лина. — Не помню... наверное, случайный, иначе я узнала бы...

—Вспомните! — приказал Монах, пристально глядя ей в глаза.

Жорик на кухне звякал чайными ложками. Упала на пол и разлетелась вдребезги чашка. Было слышно, как Жорик чертыхнулся.

—Он обращался к вам? Случайный человек на улице, спросил, где ближайший гастроном, который час... попытался познакомиться... Что?

—Нет! — Она замотала головой. — Я совершенно не помню лица, только голос... а за ним ничего нет! Один голос.

—К кому он обращался?

—Не знаю.

—Он кричал? Просил? Требовал? Смеялся? Напевал себе под нос?

Она задумалась, напряженно глядя на Монаха.

—Он сказал что-то вроде «сейчас» или «принесу», даже не сказал, а закричал!

—На улице?

—Нет... кажется. В помещении. Глухо так, как будто изда- лека...

—Вы его видели? Фигуру? Силуэт? Движение? Что-то было с ним связано?

–Ничего! Только голос. Глухой, далекий...

–Радио? Телевизор?

–Нет.

–Только эти два слова?

–Кажется, было еще что-то, но расслышала я только эти два. Он прокричал их...

–Почему он кричал?

–Не знаю!

–Он был зол? Сердился?

–Нет... не знаю... непохоже.

Монах вздохнул.

–Лина, посмотрите на этот список. С кем из них вы знакомы?

Он покосился на дверь в коридор, щадя чувства Жорика, и протянул ей листок. Это был список клиентов клуба, который Монах вырвал у Киры. Девушка не смутилась. Монах подсунул ручку. Она, закусив губу, принялась деловито ставить галочки напротив имен. Следя за ее рукой, Монах насчитал девять галочек.

–У кого вы были в тот вечер? – спросил он, пряча листок в карман джинсов.

Она назвала одного из «списочников», Монах повторил его имя три раза – его собственная система мнемоники. Мысленно повторить информацию три раза и потом ее не вышибешь и топором, извините за глупый юмор.

–Вы знакомы с Ириной Гуровой?

–Нет. Я ее никогда не видела.

–Что вы думаете о Кире?

–О Кире? – переспросила девушка, и Монах понял, что она тянет время, не зная, что сказать. – Нормальный человек, не жадная, не подлая... – сказала она наконец. – А что?

–Как вы с ней познакомились?

–В кафе. Она заговорила... сказала, что я очень красивая, удивительно, что не замужем... она обратила внимание, что у меня нет обручального кольца. Я сказала, что богатых женихов нет, спонсоров тоже нет, что я учусь, подрабатывать просто нет времени... Она сказала, что девушка с головой всегда сможет заработать... Ну, слово за слово, предложила встретиться с одним человеком. Сказала, семьянин, глубоко порядочный... и все такое. Обычная вербовка безденежных дурочек... – В голосе ее прозвучало презрение.

–Давно?

–Почти три года назад. Я была тогда на втором курсе.

–Она вам нравится?

Девушка не спешила отвечать. Пожала плечами:

–Не знаю, что и сказать...

–Как есть.

–Нет, она мне не нравится.

Монах молча ждал.

–Она сводня. Торговка живым товаром, понимаете?

Монах кивнул, подумав, что в ее табели о рангах «сводня» стоит гораздо ниже «девушки по вызову». Странности

восприятия, однако... С ее точки зрения, девушка по вызову – жертва, а сутенер – злодей. Монах расставил бы акценты иначе: на ловца и зверь бежит, как говорят...

– Но я ей благодарна, – продолжала Лина. – У нее ведь тоже нет резонов любить меня, правда? Мы нужны друг другу. Но на баррикады я за нее не полезу.

Бог знает, что она имела в виду. Монах не стал уточнять. У него вертелся на языке некий вопрос, но он промолчал, решив, что еще не время. Вместо этого он спросил:

– Лина, как вы сами объясняете то, что произошло с вами? Что это было?

– Я сама все время думаю об этом! – воскликнула она, всплеснув руками. – Может, грабитель?

– Вы думаете?

– Нет. – Она покачала головой. – Это я себя так успокаиваю... Не знаю. У меня нечего брать, никаких ценностей. Это был не грабитель. Грабитель пришел бы, когда меня нет дома. А этот подобрал ключ, затаился и ждал. Он пришел убить меня... как Ирину. – Она обхватила себя руками, словно ей было холодно.

– А лампочка? Была выкручена или перегорела?

– Перегорела. Она давно мигала, у меня руки не доходили поменять.

– У вас есть друг? – спросил Монах после паузы.

– Нет... – ответила она не сразу. – Был, но мы расстались.

– Возможно, это он? Что за человек?

—Ну что вы! — Как ни было ей тяжело, она рассмеялась. — Миша мухи не обидит, полное ничтожество. Ленивый, все по фигу, что есть, то и хорошо. Тюфяк.

—Понятно. А что из себя представляет Кирилл?

—Кирилл? — Она прекрасно владела собой, выдержки ей было не занимать. Вопрос был ей неприятен, Монах видел, как побелели косточки на ее сжатых кулачках. Она увела взгляд в сторону. — Я не очень хорошо его знаю...

—Какова его роль... в клубе?

—Он иногда провожает девушек, когда клиент незнакомый, ожидает в машине, чтобы в случае чего...

—Были подобные случаи?

—Не слышала. Нет, вроде. У нас клиенты нормальные люди, денежные, солидные.

Нормальные и солидные. Кира тоже сказала: нормальные и солидные. И разумеется, не убийцы.

—С кем из девушек вы знакомы?

Она стала перечислять. Четверо из девяти. Случайное знакомство, так получилось. Никакой дружбы, никаких серьезных отношений.

—Лина... — Монах, никогда не стеснявшийся нескромных вопросов, запнулся: — Лина... у вас есть постоянные клиенты?

—Есть. — Она, в отличие от Монаха, ничуть не смутилась.

—Они видятся только с вами или с другими девушками тоже?

– Не знаю, – ответила она сухо. – Мы этого между собой не обсуждаем. Да и не знаю я всех.

«Врешь, – подумал Монах. – Еще как обсуждаете!» И спросил:

– Что связывает Кирилла и Киру?

– Откуда я знаю! – В ее голосе прозвучало раздражение, и Монах понял, что на сегодня, пожалуй, хватит.

– Интересно, где наш Жорик? – С ходу переключился он. – Надеюсь, он перебил не всю посуду?

– Кому кофе? – спросил появившийся, как черт из табакерки, Жорик. В руках его был поднос с кофейником и чашками.

Монах и Лина рассмеялись...

– Классная девушка, – сказал Жорик мечтательно уже по дороге домой. – Я и не знал, что такие бывают. Думал, все они одинаковые, набитые дуры, в голове опилки и сразу видно, что... такая. – Он запнулся и переключился: – Узнал что-нибудь?

– Узнал.

– Что?

– Во-первых, в квартире находился мужчина. В спальне.

– Мужчина?! – Жорик был потрясен. – Как это – мужчина? Откуда ты знаешь?

– В ванной... помнишь, я пошел вымыть руки? Ты не пошел, а я пошел. Так вот там две зубные щетки и лосьон для

бритья... еще пара мелочей, которые никак не могут принадлежать женщине.

Монах, почувствовавший присутствие неопознанного человека в квартире и сообразивший, что тот, скорее всего, прячется в спальне, хотел было сунуться туда якобы по ошибке – заблудился по пути в ванную, но решил не форсировать события. Он пришел сегодня как друг, а не прокурор. Нужно усыпить их бдительность. Под «ними» он подразумевал всех: убийцу, Киру, девушек, клиентов... того, кто сидел в спальне и слушал.

—Ну и что? Мало ли... — сказал, поразмыслив, Жорик.

—Помнишь, я спросил, есть ли у нее друг? Она сказала, что нет, что рассталась со своим парнем, который полное ничтожество. Увы, Жорик, любой мужик – ничтожество рядом с такой феминкой. Если он денежный мешок, она придержит язык, если рядовой белый воротничок, то сживет со свету.

—Ты как-то выворачиваешь все наизнанку, Монах. Не сказала... ну и что? Не хотела, чтобы знали. В конце концов, кто ты такой, чтобы все тебе рассказывать?

—А почему? Она деловито рассказывает о клиентах, а тут вдруг не захотела, чтобы знали. Это имеет смысл только в одном случае...

—В каком?

—Подумай, Жорик, своей головой.

Монах ухмыльнулся. Умолчание Лины о новом мужчине имело смысл лишь в том случае, если он не посторонний, а

свой. А своим в данном случае был телохранитель Кирилл. Кира подчеркнула, что личные отношения в клубе не приняты. Он, Монах, представитель Киры, а посему знать об отношениях Лины и Кирилла ему не обязательно. Значит, промолчим.

—А во-вторых? — спросил Жорик после паузы, так ни до чего и не додумавшись.

—А во-вторых... она знает убийцу! То есть того типа, который устроил засаду в ее квартире.

—Ты что, Монах? — Жорик повернулся к Монаху, машина вильнула. — Охренел? Откуда она может его знать? А потом, он не убийца, может, он приходил совсем не за тем...

—Он убил Ирину, Жорик. И я думаю, он пришел убить Лину.

—Откуда ты знаешь?

—Ирину убили в собственной квартире, и теперь я знаю как. Он ожидал ее в квартире. Он ожидал также и Лину, но она сумела удрать. Она узнала его голос, и поверь мне, друг мой Жорик, она вспомнит его. Не сегодня-завтра. Подсознание будет работать на решение задачи. И то, что она сейчас не одна, хорошо, при условии что тип в спальне не убийца.

—Ты считаешь, он может быть убийцей? — Жорик вильнул к обочине и притормозил, повернулся к Монаху: — И ты оставил ее с убийцей? Ты что, Монах, совсем?

—Я пошутил, Жорик. Он не убийца.

—Откуда ты знаешь?

–Чувствую. Он не убийца. Скорее, наоборот.

–Что значит – наоборот?

–То и значит, – хмыкнул Монах. – Защитник.

–Ну и не надо, – буркнул Жорик. – Как колеса – так Жорик, а как поделиться информацией...

–Нечем делиться пока... – пробормотал Монах и закрыл глаза.

–А ты ее погрузи и допроси, – посоветовал Жорик.

–Дохлый номер, – пробормотал Монах. – Не выйдет.

–Как меня – так выйдет, а как их... не понимаю. Ты же волхв! Видишь насквозь, читаешь, как в открытой книге. Волхв! Какой, к черту, волхв? Повывелись все еще в доисторические эпохи. Тоже мне!

–В шестнадцатом веке две трети Европы вымерли от оспы, – вдруг сказал Монах, не открывая глаз. – А одна треть выжила... почему-то. Понял?

–При чем тут оспа?

–А при том, что у некоторых особей был природный иммунитет. Теперь понятно?

–Ага, ты еще про космический разум расскажи.

–Это мы запросто, – пробормотал Монах.

Монах уснул, а Жорик еще долго бубнил, обиженный на друга, который не хотел делиться.

...К вечеру разыгралась настоящая буря. Шквальный ветер швырял пригоршни каменной снежной крупы в окна машины. Дорога превратилась в каток. Верный «Бьюик» вздра-

гивал под ударами ветра; двигатель вдруг зачихал, и Жорик облился холодным потом. Он покосился на спящего Монаха и подумал, что тот похож на будду, только с бородой. А так все как у будды – и живот, и руки сложил, и спокоен, и в нирвану впадает, и благодушен, и улыбается, и не забивает себе голову всякой ерундой и суетой. Говорит: не надо ловить ветер! Вон, мотор ревет, машина галсами, а ему по барабану – спит себе и в ус не дует! «Может, действительно познал высший смысл», – подумал Жорик, чувствуя, как растет в нем теплая уверенность, что все будет хорошо, и доберутся они домой, и не застрянут между небом и землей в чистом поле, а дома растрепанная Анжелика в халате и маленький Олежка, наследник... ждут не дождутся... пока у него такой друг!

Глава 7

Продолжение следует

«Зверь в засаде... Неслышное дыхание, подрагивает каждый мускул, загрохот дробом... Запахи чужого жилья, сладкие запахи чужой спальни... Комната как пещера, темнота и мрак, шорохи и невнятные голоса... хрустальный далекий смех... тихие далекие шаги. Контурные незнакомых предметов в дрожащем свете...

Ожидание... Дрожь ожидания, волны по атласной коже хищника, напряжение и боль... сейчас! Еще миг – и прыжок! Теплый вкус крови, зубы вонзаются в мягкую нежную плоть...»

«Черный Властелин»... Монах снова наткнулся на эту галерею, искал «черный фарфор», на всякий случай еще раз, тема эта интересовала его все больше – не может быть, чтобы не существовало технологий, неужели за тысячи лет китайцы ничего не придумали, кроме как красить вазу кисточкой? «Не верю», – сказал себе Монах и полез искать. И тут вдруг снова наткнулся на Властелина, испытав ощущение дежавю от встречи с хорошим знакомым – местным придурком, – пробежал вскользь и в который раз уже подумал: до чего же странные личности окапываются во Всемирной паутине! Вот и этот тип опьяняется властью и свободой, вла-

стелин, а на самом деле, скорее всего, плюгавая затюканная личность с комплексом неполноценности. Тем и хороша Паутина – можно разрядиться, показать всем большую фигу и почувствовать себя в результате личностью. После чего спокойно пойти спать... Виртуальный наркотик.

Мало ли таких... Монах летал по бескрайним просторам Паутины, но Властелин не шел у него из головы. Он вернулся к его сайту, перечитал с самого начала, пытаясь понять, что, собственно, тот хочет сказать, что поменялось и что добавилось нового. Вначале ключевыми словами были «свобода», «избавление» и «власть». Власть над кем? И что вкладывает этот тип в понятие «свобода»? А сейчас риторика поменялась. «Ожидание», «засада», «теплый вкус крови»... что за муть? И снова у него появилась мысль написать Властелину. Выказать интерес и восхищение и задать пару вопросов. Раскрутить с целью понять – чем-то он его зацепил.

Монах сидел за письменным столом в своей новой комнате... ему не спалось – выпался в машине. Жорик спросил, куда его забросить, и он сказал – к Кире, но на всякий случай подождать звоночка, что все о'кей, и только потом сваливать. А то могут и не впустить после ночных приключений. Жорик, недовольный и усталый, проворчал что-то о тайнах мадридского двора.

Кира открыла ему – он ввалился в прихожую и стряхнул с себя снег – успело засыпать, пока бежал от машины к подъезду.

—Ну и погодка! — пробасил. — Добрый вечер, Кира.

Она кивнула и сказала:

—Ужин на кухне.

Монах сглотнул — голод ударил под дых, и он представил себе сковородку с жареной картошкой и три-четыре баночки пивка в холодильнике и пожалел, что не поехал к Жорику — Анжелика бы им сейчас картошечки... а потом уже к Кире! Но то Жорикова Анжелика — простая многодетная женщина, а тут вся из себя Кира с золотыми рыбками и элитным клубом «Черный фарфор»... или элитарным?

На кухне его ждал сюрприз — здоровенная сковородка слегка остывшей жареной картошки и три отбивные отдельно в глубокой тарелке, накрытые прозрачной крышкой. Отбивные были восхитительны даже на вид — с золотистой корочкой, в сухариках. Монах застыл, растроганный, даже слеза навернулась. Повернулся на каблуках и бросился в гостиную, где Кира смотрела телевизор. Сдернул ее с дивана, прижал к своей необъятной груди. Кира испуганно вскрикнула.

—Спасибо, Кира! Поужинайте со мной!

—Я не ужинаю! — Она вырвалась и отбежала к двери.

—Ну так посидите за компанию, пожалуйста! Устал как собака. Расскажу про Лину, хотите? Мы только что вернулись. ...Они сидели за столом. О Жорике Монах даже не вспомнил.

—Вы виделись с Линой? — спросила Кира, не глядя на него.

—Виделись. Красивая девушка и знает, чего хочет. Не ждет

подарков от судьбы, возьмет сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.